

Сергий Фатхутдинов

**Рассказы, повести,
воспоминания**

18+

Сергий Фатхутдинов

Рассказы, повести,

воспоминания

<https://litres.ru/74328688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга написана священником Сергием Фатхутдиновым.

...Читаю книгу отца Сергия... Будто проживаю каждую страницу, каждое описанное событие, эпизод, впечатление, ощущение. Наверное, это называется совпадением по тональности, со-звучием. Как колокольный звон, как песнопения в храме выравнивают, выстраивают, настраивают и возвышают мысли и чувства прихожан, так и рассказы батюшки, его воспоминания приближают времена далекие и недавние, заставляют иначе взглянуть, вдуматься в собственные страхи, эмоции, поступки.

...Повествование открытое, искреннее, честное, почти исповедальное. Так было в судьбе автора, так было и, возможно, еще не раз случится в жизни читающего. Негромко, неспешно, ровно и просто батюшка вразумляет, наставляет, предупреждает...

...История жизни одного человека. История возрождения храмов, приходских общин, человеческих душ. Живая биография

многих сельских священников на просторах российских. Годы служения, общения с людьми, наблюдений и размышлений.

Содержание

Священник Сергей Фатхутдинов: РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, ВОСПОМИНАНИЯ	5
КНЯЗЬ ВАДИМ	6
«ВОЕННОБЛЕДНЫЙ»	22
ВЫГОЛОВСКАЯ ИСТОРИЯ (рассказ бабушки Евфалии)	29
СТРАХ ГОСПОДЕНЬ	35
СЧАСТЛИВАЯ БОЛЬ	43
Ангел Хранитель	48
Путь постижения любви	52
ВСТРЕЧА	115
Рассказики	130
Случай в «маршрутке»	131
Поминки	135
В больнице	137
В приемном покое	139
Третий брак	140
Существенная правда	143
Пруды	144
Яблоко от яблони...	146
История карельского народа	147
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Рассказы, повести, воспоминания

Священник Сергей Фатхутдинов: РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, ВОСПОМИНАНИЯ

Незнаново
Кострома
2025

КНЯЗЬ ВАДИМ

...С неба возвращалась тишина...

Она осторожно опускалась на заросший вековыми деревьями остров... На озеро, с подтаявшим весенним льдом... Пугливо и тихо она покрывала легкой пеленой сумерек, остывающие тела погибших воинов, яростные крики и предсмертные стоны которых еще совсем не давно так пугали и гнали ее отсюда.

Над телами павших курился легкий парок и, казалось, что это их души, исполняют свой последний и горький танец – танец смерти, прежде чем навсегда исчезнуть в далекой стране мертвых – Туонеле.

Солнце, еще не давно скользившее по-над кромкой леса, кануло в бездну надвигающееся ночи. Стало холодно и сумрачно, лишь скрипы старых елей, как стрелы пронзали тишину, отчего она казалась еще глуше и тревожней...

Но вскоре в звенящую тишину добавились далекие и невнятные звуки... Хруст ломающегося наста, бряцание оружия, глухие голоса приближались с другого конца острова. Тишина, уже освоившаяся было здесь, вновь бросилась прочь. Голоса становились все громче и яснее. И вот уже их не заглушали ни хруст подмерзшего снега, ни сухой треск ломающихся веток.

Черные тени в сумерках бродили меж деревьев. Они преворачивали найденные тела, и, шепча заклинания, заглядывали в их бледные, помертвевшие лица.

- Ищите! Ищите хорошенько! Он должен быть где-то тут, - хрипел простуженный, но громкий голос.

Продолжая свои поиски, тени стаскивали тела погибших - своих и чужих - на открытый лед, другие – стаскивали к кромке берега сухие бревна для погребального костра.

- Куда этих класть? С нашими или как? - прокричал кто-то усталым голосом, имея в виду погибших.

Простуженный голос отозвался:

- Мертвые срама не имут. Всем им один путь. Там они вновь станут братьями. Кладите вместе.

Смертельно усталым людям было все равно, и они монотонно продолжали делать свое не желанное, но необходимое дело.

- Князя мне найдите! - слышалось вновь, - Князя! Здесь он где-то! Не мог уйти!..

Уже в глубоких сумерках набрали на огромный серый валун, вокруг которого лежали тела. Защитники, которых было гораздо меньше, дрались отчаянно, чему свидетельствовали потери нападавших - трое к одному. Последним у самого валуна, в окружении мертвых воинов – своих и чужих - лежал князь. В горячей и безнадежной схватке, соратники до последнего защищали его – не допустив к нему, тяжелораненому, ни одного врага.

Вроде живой, перкеле! – удивленным эхом понеслось по лесу.

Простуженный голос, зная, что воины могут «помочь» раненому покинуть мир сей, взревел издалека:

- Не трогать! Живым его взять, живым! Наш князь Рюрик приказал доставить его живым!

- Да посечен он сильно. Не дотянет до стана, - отвечал кто-то из сподручных.

- Не наша боль. Живого ли, мертвого ли доведем, а там пусть решают. Все ж никого-нибудь поймали, а самого князя Вадина! Два года за ним охотились. Скольких людей отважных положили... Эй, Чуд, гонца к князю отошли. Да пораспоропнее! Пусть порадуются, да к утру пусть ждут!

- Хорошо, воевода! Будет сделано без промедления, - ответил помощник, направляясь к берегу. И через некоторое время от острова умчался всадник, еще какое-то время, напоминая о себе хрустом ломающихся под копытами льдинок. Чувствуя, что дело близится к завершению, люди задвигались быстрее, засуетились, торопясь скорее уйти из этого проклятого места, где пролито столько крови!

Князя принесли к горевшему костру и уложили на постеленную кошму. Он был без сознания и очень бледен, от потери крови. Воевода приказал перевязать его раны и устроился неподалеку от него и не спускал с него глаз.

Помощник спросил:

- Что Валит, доволен? Вот он Вадин – то?

- Да, не знаю, Чуд, - промолвил воевода, - два года гонялся за ним, ждал этой встречи, а сейчас как-то странно – нет радости.

- Слушай, а почему его все Вадин зовут? Он вроде как Эрки зовется?

- Верно, зовут его Эрки. Он из племени води. Стало быть – водин. А Рюрик все его Вадин, да Вадин называл. Вот и стал он князем Вадином.

- Вот, и я думаю – странное имя - Вадин, не водила, не

Эрки, а он-то, вроде как наш.

- Если говорит по-нашему, что уже и наш? Хотя ты прав, этот наш, водилайнен.

Помощник, сел рядом. Рослый, стройный и выносливый он легко переносил любые тяготы солдатской жизни. Всегда был спокоен, молчалив и надежен. Воевода его уважал и верил ему как самому себе. Не одно сражение прошли они плечом к плечу, не раз спасали друг друга от неминуемой гибели и потому могли говорить откровенно обо всем. Вот и сейчас он, как будто продолжая начатый некогда разговор, спросил, глядя на лежащего пленного:

- А что мы все со своими деремся, скажи мне воевода? Говорим почти на одном языке, верим одному Богу. Земли вроде всем хватит, вон ее сколько! Дерутся они не хуже нашего. Вон сколько положили сегодня. И не подоспей мы, ушли бы. Да и не все ж они тут, много их. За Ладогой они

и нам их не взять, да и лед скоро сойдет. А по берегу идти – верная смерть, как белок они нас там, в лесах почидают, особенно этих «друзей» из-за моря.

Воевода хмуро посмотрел на верного своего товарища и, помедлив, ответил:

- Говорим мы на одном языке, это ты верно сказал, да ду-
маем по-разному и о разном. Нельзя нынче жить только сво-
им миром, сожрут, надо быть хитрыми и сильными. Что упи-
раться в старое – предки, традиции, вера! Вона что делает-
ся в мире – война за войной, кровь... целые племена исчеза-
ют бесследно с лица земли. Погибнут все вои, кто защитит
наши традиции, наших жен и детей? Наше будущее? Через
поколение наши дети, завоеванные врагами, забудут о нас.
Время меняется, и мы должны меняться.

- Но разве, Валит, нельзя договориться и помириться? Так
же мы перебьем тут друг друга, и завоевывать нас не надо
будет – приходи - бери. Вот, Рюрик...

- Да что, Рюрик, - перебил его воевода, - он солдат. Ему
платим мы, вот он и воюет, и будет воевать, сколько нужно.
У него ни силы, ни власти. Наши старейшины правят и ре-
шают, что делать дальше и как жить. Вот и меня выбрали и
поставили в помощники к Рюрику, зря что ли? Нет! Вот взя-
ли мы Эрки-водина, зря что ли людей положили? Нет! Те-
перь меньше будет волнений. Смахнули мы с плеч против-
ника нашего голову! Да какую! Притихнут водь и ижора, да и
весь станет сговорчивей, а корела, пусть живет за своей Ла-

догой и дальше, нам это не помеха. Ослабли и они – много они потеряли достойных воинов. Сюда они долго не сунуться. А нам этого только и надо!

- Да не зря тебя зовут - Валит Карелянин, умный ты и смелый, доверяют тебе родичи. Кстати, ты тоже корел?

- Корел да не тот. Много у нас родов. Мы корелы Ильменские..., тут он оборвал себя, потер лицо руками, - Ладно, хватит болтать. Пошли, друг! Будет у нас теперь время поговорить, а сейчас не время и не место. Пора отдать честь павшим воинам.

Вскоре запылал погребальный костер... Воины, стоящие вокруг плотным кольцом, хмуро взирали на него. Что они видели и о чем думали, трудно сказать. Может быть, благодарили Бога, что Он отсрочил их поход в долину мертвых; может быть, вспоминали своих товарищей и желали им легкой дороги и достойной встречи в стране Маналы; возможно, вспоминали бывшие походы, победы и поражения? А может быть, как воевода и Чуд, они думали о превратностях своих судеб, заставивших их прийти сюда, чтобы пролить столько братской крови.

Рюрик торжествовал! Ему удалось провести этого осторожного князя Вадина! Все же жизнь научила его кое-чему - хитрость и коварство – не плохое оружие.

Безвозвратно прошли те времена, когда он искренне верил, что честь превыше всего, и слово, данное рыцарем –

незыблемо. Он уже давно перестал доверять тем, кто его приглашал на службу, пытаясь извлечь из этого только побольше корысти. Он считал, что стал мудрее и расчетливее, пытаясь осмысливать свои действия на три шага вперед. Зная, что для них он так и останется варягом, чужаком, не набивался в друзья и старался гнуть свою линию.

Он давно понял, что его просто используют эти толстосумы из Нового града. Обида, затаенная в душе, взлелеяла его мечту – самому встать во главе этого края. Потихоньку собирал он вокруг себя преданных ему людей. Привечал обиженных новгородцами, приглашал авантюристов, задабривая их богатыми посулами и наградами, делал все, чтобы со временем его партия смогла бы захватить всю власть в Новом граде. Он верил, что эти жалкие богатеи, расколовшие свои народы и ввергнувшие их в пучину братоубийственной войны, будут еще долго нуждаться в нем. Кто их охранит от своего же народа? Их деньги, оружие и воины будут ему еще нужны. Надо было уничтожить этого князя Вади́на – сильного и смелого воина, ибо за ним шел народ. Надо было этот народ лишить символа, в этом он согласен с этими «мудрецами из Нову града» и цели их здесь совпадали.

Но надо расколоть этот народ еще больше, отвлечь от его веры и лишить памяти. Насадить своих богов и заставить поклоняться им. Тогда этот народ будет - слаб и безволен, а пока он един – его не взять никакими силами. Тут не помогут ни деньги, ни оружие всего мира. Когда исчезнет эта угроза,

вот тогда!.. Вот тогда берегитесь хитрецы! Сами принесете все свои богатства к моим богам, а стало быть, мне! Время работает на меня!

И потому радостная весть, принесенная вестником от Валинта Карелянина, не давала ему успокоиться.

- Вадин! Вадин! Ты проиграл! Скоро я взгляну в твои глаза, чтоб увидеть тени смерти. Ты – последний князь этого глупого народа! Есть, конечно, ваши жрецы, но они далеко, и, небось, трясутся от страха в своих капищах. И сколько потребуется времени, пока появится такой как ты? Не мало, ох, не мало! А может быть, и никогда. Я добыю оставшихся, или куплю их, заставлю поклоняться своим богам, подчиню себе, а потом... А потом...

У него захватило дух, от переполнявшей и плохо скрываемой радости. И мысли, мысли, мысли!.. «Нельзя князю веселиться как ребенку. Весь мой вид должен говорить, что поиному и не могло быть. Ничего особенного, говорил – поражу – поразил! Теперь надо так обставить дела, чтобы эти волхвы и звездочеты карелы, не то что огрызаться, а и носа не совали в эти места. Оставшихся, кого приручить, кого проучить, чтоб глаз не смели поднять! А затем я их направлю на юг! Новоград, древняя Русса, Днепр – вот моя заветная мечта! Мне не нужны будут эти предатели. Они предали свой народ, своих богов, предадут и меня и наших богов. Деньги и власть – вот их мечта! Тупицы! Без корней ваши роды засохнут очень скоро. Вас забудут и проклянут! А ваши

богатства достанутся нам. А они нам будут оч-чень кстати!»

Не сиделось и не лежалось. Выскочив из избы, он глянул в сторону озера – нет, не видно, не слышно ничего.

- Вермуд! – крикнул он в темноту, откуда тот же час шагнул невидимый доселе крепкий детина.

- Здесь я, княже!

- Грейте избы, топите бани, скоро вернутся наши вои, - проговорил веселым голосом, - Да, еще скажи там, пусть готовят победную тризну!

- Что, княже, победа? – сверкнул глазами детина.

- Да, Вермуд, да! – не сдержавшись, прорычал Рюрик, отвесив доброго тумака детине, которого, впрочем, тот и не заметил.

- Уа –а- уа! Слава богам! – взревел великан, отчего встревожено стали перекликаться сторожевики, - Братья! Подъем! Буди всех!

Скоро известие о победе стало известно всем, и лагерь превратился в кипящий улей. Сновали люди, загорались огни и гомон сотен голосов, распугали остатки ночи. «Конец войне», - думалось многим, уставшим от постоянных тревог, жизни впроголодь, холода, бессмысленных потерь. Никто из них тогда еще не мог знать, что готовил им их князь, а потому они радовались и ждали возвращения своих товарищей.

Погребальный костер полыхал во всю. Клубы черного дыма скрывались за чертой света, пропадая в бездне наступив-

шей северной ночи. Кое-кто из воинов продолжал стоять поодаль, кто-то отошел и присел на амуницию, кто-то пошел к раненым, чтоб поддержать их и укрыть потеплее – ночь обещала быть холодной.

Воевода Валит и Чуд, сидели у волокуши, на котором лежал князь Вадим, который пришел в сознание. Осунувшееся лицо его было бледным. Взгляд его медленно скользил по лагерю, оценивая сложившуюся ситуацию. Он понимал – выхода нет! Он перевел взгляд на воеводу и Чуда, которые молча, с любопытством, следили за его взором. Они были готовы ко всему, и с облегчением вздохнули, увидев, как расслабилось тело князя до того напряженное, когда им показалось, что еще мгновение, князь вскочит и бросится на них. Не прошло не замеченным воеводой и мелькнувшее на мгновение отчаяние в глазах князя.

Князь Вадин смотрел на них спокойно, и только прерывистое дыхание выдавало его волнение.

- Что, князь, - заулыбался воевода, - не ожидал такого конца?

Однако его хриплый смех был не радостным. Ему хотелось поговорить с князем один на один. И скоро, найдя повод, он отправил Чуда на другую сторону лагеря и остался с ним с глазу на глаз.

- Скажи мне, князь Вадин, - промолвил воевода, специально называя его этим странным именем, - зачем вы так упорствуете? Вы же все погибнете, в конце концов, в этом

бессмысленном и бесконечном сражении? – Он пристально посмотрел на князя, пытаясь понять – услышал ли тот его? – Время не остановить. Все изменилось...

Князь судорожно вздохнул, было видно, ему все дается с трудом, даже этот разговор. Он, глядя в глаза Валита, медленно начал говорить:

- У меня есть имя – Эрки, зови меня так. А насчет упорства и гибели – никто не вечен, но мы умрем свободными. Нас будут помнить всегда, да, и вас тоже, - добавил он с иронией, - потому что вы оказались с нами рядом, но нас будут помнить с уважением, а вас с презрением. Вас забудут даже ваши потомки, потому что они о вас ничего не будут знать...

- Это почему они нас забудут? Мы же вот, тут?! И мы не собираемся погибать. Мы создадим новую землю, она будет сильной и могучей! - перебил его воевода, устремляя свой горячий взгляд на князя, и стараясь унять сильное волнение.

- Вы и ваши жрецы возжелали богатств земных и власти, - продолжил князь, - глядя горящими глазами на суровое лицо собеседника, - Вы презрели прошлое своего народа и пренебрегли его будущим. Золото затмило ваш ум и закрыло ваши глаза. Из-за него вы пошли на братоубийство!.. Вы стали служить рабам, призванных вами для умирения своих братьев.

Мы много веков хранили веру и память предков и это спасало нас в самые трудные времена. Единство, преданность, честь – для нас не пустой звук. Да мы отступали. От берегов

Москвы реки, на Волхов, а теперь за Ладогоу. Не зря наш город зовется Сортавала. Горькое название – гонимый Бог! Но это так. Но нас гнали враги, и нам не было стыдно. А теперь среди них и вы – наши братья, гоните и убиваете своих соплеменников. Ради чего? Будущего? Нет! Ради власти и злата. Вы думаете, что вы умнее своих партнеров? Но они думают так же. И они вас уничтожат. Ты прав! Время не то, но сейчас нам всем, как никогда, нужно было единство, против наступающего со всех сторон противника. Но ...

Ваш союз с ними - ваше поражение. Горькое дерево не дает сладких плодов. Ты хочешь знать, что нас ждет? Отвечу. Нас не победит ни Рюрик, никто-нибудь другой. Наша борьба объединит нас – мы станем одним народом. Нас будут уважать. Со всеми мы будем на равных..

- Так уж и вместе, так уж и на равных, - яростно прошипел воевода, которого слова князя задели его больные струны, которые давно болели, но он даже от себя скрывал это, - А мы не в счет? Ладно, нас вы отрезали от себя...

- Не мы, а вы сами, - выдохнул князь.

- Не суть важно – мы – вы. Мы разделены и это факт. Где наша мудрость, где согласие... Новое время – новые песни. Глупо погибать из-за каких-то богов, которые нас не защитили и не помогли. Важно, жить!

- Это не жизнь, а выживание. Отречение от веры предков, традиций – это путь гибели. Дерево без корней не живет, так и народ не сможет быть народом без своих традиций, сво-

ей истории. А если и сможет, то это уже будет другой народ. У него будет другая вера, новые традиции. И если корни этого народа будут жизнеспособны, то он станет могучим, как старое дерево.

Никто не позволит завоеванным рабам строить дворцы в своем городе и восседать на равнее с собой за пиршественным столом... Так что – придется вам петь чужие песни ...

Князь движением руки прервал воеводу, хотевшего что-то сказать:

- Не надо, брат! Я все знаю, что ты хочешь спросить... Видно нам не убедить друг друга, иначе бы мы не встретились тут. Пусть каждый делает свое дело, а Бог нас рассудит... Я о другом прошу тебя, как воин воина – дай мне умереть здесь... Не долго уже мне осталось. И положи меня к моим братьям по оружию. Я не хочу быть жертвенным бараном для Рюрика! Я вижу, что ты ищешь ответы на свои вопросы. Значит, есть в тебе еще кровь наших предков... А ответы ты обязательно найдешь!..

Он спокойно глядел в глаза Валита, ожидая ответа. Тот стоял над ним и не зная, что делать. Холодные пальцы раненого князя коснулись рук корелянина, от чего тот вздрогнул. Буря чувств, боровшихся в нем, исказили его обветренное лицо.

«Действительно, теперь и я понимаю, зачем он Рюрику живой нужен, - думал он, - Непременно он принесет его в жертву своему богу Перуну. А узнает, что тогда? А он не

любит шутить и нашей кровушки не бережет. М-да! И князя жалко – настоящий воин. Может и прав он, но сейчас не его время. Лучше б он умер или был бы мертв. Свидетелей с полсотни... А-а! Перкеле! Отвезти его, а там пусть разбираются. Не дело война рассуждать и раскисать». Вслух сказал.

- Хорошо! Хорошо! Обещаю!

Князь благодарно прикрыл глаза и, тихо выдохнув, снова открыл их. В них промелькнуло что-то такое, всего лишь мгновение, что насторожило старого волка, но он, услышав тихий и слабый голос, князя, успокоился.

- Воевода! Я хочу сказать тебе кое-что тайное. Передашь моим... Наклонись ближе, - просипел князь. Казалось, жизнь вот-вот покинет его, и корелянин склонился над ним, приближая ухо к его бледным губам, шептавшим какие-то слова...

Воевода не успел ничего сообразить, только звериное чувство самосохранения отбросило его от лежащего князя, в руках которого блеснул нож. Выхватив меч, корелянин схватился за пояс – ножны от кинжала были пусты! «Ах, раззява! Распустил нюни! – подумал он, больше радуясь тому, что остался жив.

Реакция воеводы, выхватившего оружие, не осталось не замеченным. Воины, побросав дела, схватились за мечи, рыская глазами вокруг в поисках причин неожиданной тревоги.

- Ах, ты лиса! – воскликнул Валит, сделав несколько ша-

гов назад, на всякий случай. К нему бежали соратники. Князь тоже стоял на ногах, хотя было видно, что ему это давалось не легко. Он сделал шаг в сторону воеводы. Тот отступил еще на несколько шагов, все еще не соображая – что делать? Но тут его заслонили подоспевшие вои, кто-то занес меч над князем. От первого удара князь ушел. Но раны и слабость, сделали свое дело – он упал на одно колено. Его рука, со сжатым кинжалом, поднялась над головой, пытаясь отвести второй удар, а, может быть, это был жест, призывающий воина не останавливаться.

Удар меча, легко пробивший защиту слабой руки, и крик опомнившегося воеводы слились воедино.

- Нет, Чуд, нет! – крикнул он, понимая, что все уже свершилось. Все словно зачарованные смотрели на необычное сражение, происходившее у них на глазах. На последнее сражение князя Вадина. Чуд, не слышавший уже ничего, высоко, двумя руками, поднял меч... Его глаза смотрели в глаза врага...

«Это все что я могу сделать для тебя, князь Эрки», - подумал Чуд, опуская с силой меч, занесенный над головой... Слабая, благодарная улыбка тронула бескровные губы князя - все получилось как нельзя лучше, даже лучше, чем ему думалось. Он встретил смерть в бою, от достойного противника. «Нет, Рюрик, ты меня не победил! Прими, Манна, дух мой с миром!»

Люди молча стояли вокруг лежащего на льду князя. Их

огрубевшие сердца не дрогнули, сколько они видели смертей, а жалость и сострадание не были им свойственны. «Он погиб как настоящий воин» - это все, что могли они сказать. И это была высшая похвала, которую каждый из них хотел бы услышать о себе, когда придет и его смертный час.

Из смертельной раны на лед стекала темная, густая кровь... Она парила на морозе, и, казалось, что это душа славного князя устремилась вдогонку за своими друзьями, из этого, утопающего в звездах ночного мира, в далекую страну мертвых.

- Положите его со всеми, - прохрипел воевода. Никто не возразил. Он знал, что этим он ставит себя вне закона. Но рука друга – Чуда, на плече и его глаза, полные уважения и благодарности, придавали ему спокойствие и неведомое доселе чувство бесстрашия перед человеческой властью, свойственное только свободным людям.

Князя бережно подняли на щит и понесли к погребальному костру...

«ВОЕННОБЛЕДНЫЙ»

Эта картинка осталась в памяти с далекого детства: шумное застолье по поводу какого-то праздника было в самом разгаре, когда мы, детвора, сидевшая на печи, чтоб ни кому не мешать, слышали крики:

-- А-а-а! Военнобледный!

Вечер становился интересным и мы, вытянув шейки, старались непременно все увидеть. Разговоров то будет!

Кричал сосед, мужик здоровенный и сильный, бывший боевой разведчик. На его крутых плечах уже висело несколько мужиков, натужено сопя, они не давали ему развернуться, и уводили на улицу, куда и схлынула основная масса гуляющих.

- Военнобледный! Предатель! – продолжал выкрикивать разведчик, поблескивая белками глаз и орденскими планками. Постепенно шум перешел в тихий гомон за закрывшимися дверями.

Наши любопытные глазки и ушки, лишенные возможности следить за событиями на улице, обратились в обратную сторону.

Причина шума, другой сосед – Сатаров, всегда одетый с «иголочки» слывший странным и нелюдимым, за что его многие недолюбливали, стал прощаться. Он выглядел спо-

койным и невозмутимым, с еле заметной кривой усмешкой на тонких губах и не выглядел, как мне показалось, бледным. Детское сознание скоренько соединило два слова «военный» и «бледный», но не видело в этом логики. А что не понятно, то интересно и требует разгадки. Продолжая удивленно разглядывать Сатарова, я пытался совместить не совместимое: его и прозвище «военнобледный».

Он же медленно допил стопку водки и, не обращая внимания, на любопытные и косые взгляды гостей, простился с моими родителями, говорившими какие-то обязательные в таких случаях слова.

Он ушел. За ним незаметно исчезла его супруга.

Через некоторое время мужики, успокоившиеся, вернулись за стол, принеся с собой свежесть и прохладу осенней ночи, перемешанную табачным запахом дешевых папирос. И, засыпая, я продолжал думать о странном «военнобледном» Сатарове.

Мой герой действительно был странным человеком. У него не было друзей, с родственниками был сдержан и холоден и, хотя традиции и обычаи соблюдал, к нему не любили ходить. А он, судя по всему, не страдал от всего этого угрызениями совести.

Жил он с женой, детей у них не было, может быть, поэтому мы, пацаны, любившие хулиганить по огородам и садам, обходили его дом стороной.

Работать они умели и крутились как пчелки. Хотя у нас в

деревне не было явных лодырей - жили справно, они все же выделялся. Огромный дом, сад – огород, живность – всего у них было с избытком. Куда они все девали, я не знаю, да и не задумывался тогда об этом, только удивляло: зачем им двоим столько? У большинства жителей были огромные семьи - от пяти до двенадцати детей и понять их было возможно – надо жить, а тут....

Но было еще одна сторона жизни, которая бросалась в глаза, и которая не была свойственна тогдашней послевоенной жизни – это безупречная аккуратность и педантичность на манер Европы. Фронтовики, видевшие европейскую жизнь, узнавали ее сразу, и это вызывало резкое неприятие: не наше, немецкое, а стало быть - фашистское. Это сейчас все выглядит анахронизмом, а тогда, все еще было свежо, раны не все зажили. Фронтовиков – через двор, а не вернувшихся – в каждом дворе, а то и не по одному. А он явно противопоставлял себя окружающим всем этим, за то и не любили.

Случалось, мама посылала по какому-либо делу к ним – скандал:

– Да не пойду я к военnobледному!

С нашими цыпками на ногах входить в их дом было страшно! Стерильная чистота, половики, ввергали нас в суппорт и такое смущение, что мы забывали, зачем пришли. Правда жена его была добра, но ее суетливость и желание нам угодить, вызывали, по меньшей мере, неприязнь и еще большее отчуждение.

Повзрослев, мы относились к ним более спокойно. Много стало понятным и объяснимым. Но отчуждение все же оставалось и, мы, ничего не могли поделать с этим чувством.

Стало понятным, что «военнобледный» означает «военнопленный», искаженное боевым разведчиком в пылу ссоры. А Сатаров, оказывается, и правда был в плену всю войну, а потом не сразу вернулся на Родину. Поскитался по миру: был в Америке, жил в Австралии и лишь в конце 50-х вернулся домой. Отсидел сколько-то в лагерях... Вообще-то, не позавидуешь. Три года плена в Германии и более десяти лет скитаний по миру не могли не оставить след в его памяти – это очевидно. Вот он всю жизнь стремился воплотить в реальность тот мир, тот образ жизни, который он увидел и, наверное, который ему понравился. Это был островок его безумной мечты, и он лелеял его, отгородясь от окружающего мира, насколько это было возможно и оставаясь совершенно равнодушным к нему. Отдавая работе только точно определенные часы, он трудился и трудился над своей мечтой и был весьма этим доволен.

То, что его не любили, как нам казалось, его не волновало, во всяком случае, внешне. Даже другие бывшие в плену мужики не могли его понять. Им то уж точно известно, как жить с клеймом «предателя», когда ты виноват лишь в том, что попал в плен, а не убил себя. Вольно или не вольно, все они желали реабилитации и старались жить со всеми в ладу, отдавая себя всего без остатка работе и людям. И со вре-

менем они смогли вернуться к достойной жизни. Стали, как и все ветераны, носить свои награды, не стесняясь отмечать праздники, и ни кто уж больше не упрекал их за то, что они выжили и живут. Сатаров же нет. Так и жил в своем выдуманном мире. Особняком. Не носил наград, хотя имел юбилейные медали, не ходил на праздники и встречи с молодежью. И, что не осталось не замеченным, никогда не праздновал День Победы, трудясь, целый день на виду у всех.

Да, это было слишком. И было естественно, когда кавалер двух орденов солдатской Славы и других боевых наград разведчик, возвращаясь, после праздника домой, после солдатских «сто граммов», неизменно плевал в сторону дома соседа и кричал:

- Военнобледный! Сволочь! Предатель! (это были самые мягкие ругательства). За Победу не хочешь выпить? А, ну, выходи...

Его успокаивали, уводили домой, а через год все повторялось. Только Сатаров ухом не вел.

Ветераны старели, дети выросли, разлетались по всему свету, женились, привозили внучат – жизнь текла своим чередом. Лишь в доме Сатаровых было стерильно чисто, пусто и тихо. Здесь не только детей, а и бактерий, видимо, не было.

Но время, время! Оно безжалостно и неумолимо.

Поблекло и бывшее величие сатаровской мечты. Сил уже не хватало на частые обновления, да и сами, вероятно, стали болеть чаще, а ухаживать то некому. Сердобольные сосе-

ди стали захаживать к ним, чтоб приготовить поесть, обстирать. Но даже это не растопило сатаровского сердца. Загнанный самим собой в сети одиночества, живущий только своей мечтой он разучился любить людей и жалеть их. В каждом он видел посягателя на свою мечту и на проявления доброты, в лучшем случае, отвечал бессловесным равнодушием.

Конец сатаровской истории печален и логичен...

Весной местный совхоз выделяет несколько тракторов для вспашки частных огородов. Трактористы в виде платы предпочитают, естественно, «горькую».

Так было и в том приснопамятном году, когда Сатарову было уже 73 года. Его сосед пахал огород и молодой тракторист, приехавший «подшофе», при развороте, плугом, зацепил забор сатаровского огорода и тот, до того безучастно наблюдавший за происходящим, поспешил к месту «трагедии».

Тракторист, видя такое дело и спешащего старичка, вышел из трактора и пошел к нему навстречу, намереваясь, по всей видимости, извиниться и пообещать восстановить порушенное.

День клонился к вечеру, наплывали сумерки. Юноша, стараясь успокоить взволнованного старика, уже издали стал говорить ему слова извинения. Но случилось неожиданное: старик, приблизившись к трактористу, ничего не говоря, ударил его по голове палкой, бывшей в его руках.

Удар оказался роковым и для тракториста, и для Сатаро-

ва. Водитель скончался от кровоизлияния в голову. Сатарова судили.

Восемь лет тюрьмы были для него смертным приговором.

Жена его к тому времени была парализована и почти безумна, а вскоре ее не стало. Не стало и его: через пару лет он скончался в тюремном лазарете.

Каким он был в последние годы своей жизни и как он смирился с потерей своей мечты, а может он так и жил в своей мечте, мне, увы, не ведомо.

ВЫГОЛОВСКАЯ ИСТОРИЯ

(рассказ бабушки Евфалии)

После гражданской войны много народа бродило по лицу земли в поисках лучшей доли. Всякие были, но особенно много было цыган. Эти не бродили как калики перехожие, по двое-трое, а целыми таборами. Станут у села, в отдалении, у реки, разведут костры, песни поют по вечерам, а днем по округе бродят, просят милостыню. Давали, что могли, кто хлеб, кто яиц, кто одежонки какой, но воровства не было. Приходили они ближе к весне, когда уже травка появлялась, что для их лошадей было хорошей поддержкой. А овес, селу, сено они покупали у местных. Торговались интересно, до последнего, местные любили эти сцены и подыгрывали им, не уступая, но, в конце концов, все завершалось, к общему удовольствию, мирно и согласно.

Как-то один табор пришел очень рано, видимо, причины были, время то было не спокойное. Было еще холодно, снега почти не было, но тепло задержалось где-то, так, что весна не шибко торопилась в наши места. И стали они проситься на постой по домам, вернее, только женщины с детьми, мужики жили у себя в кибитках, видно, гордость не позволяла, а может, просто так было удобнее и дешевле.

Дом наш стоял на самой околице, потому пришли к нам чуть ли не к первым. Детей у них было, ну, просто тьма! Чумазые, неунывающие цыганята, лопоча по-своему, хватали нас за подолы сарафанов, руки, видимо, уговаривали пожалеть их. Глядя на них, милая моя, какое сердце выдержит! А жили мы вчетвером: отец, да мы три дочери его, мама у нас померла уже с год как. Мы к отцу, а он сам уж улыбается. Сговорились, да и стали они жить у нас. Питались мы скромно, в основном, «мурцовкой». Соленый огурец, лук, чуть хлеба крошишь, зальешь водой... Вкуснота! Да и они не шибко хорошо ели, что соберешь в голодном крае? Делились, а как же!

Дома оставались самые маленькие с нянькой, а остальные все уходили на поиски еды. Приходили поздно и сразу спать, если добычи не было.

Людей тогда не боялись, пускали в дом легко. Всем было тяжело. Просились чаще в дома попроще, в богатые не очень-то и пускали. Что сами ели тем и угощали гостей, не жадничали. Давали что могли и люди были рады этому. А сейчас милостыню-то боишься дать – не угодишь, в лицо бросят! Сейчас голодных нет, а злых много.

Наши цыгане были хорошими, мирные и веселые, а детки так прям артисты – пели, плясали, да так смешно, что мы падали со смеху.

Дом у нас был хоть и большой, но теплый, отец с дедом и братьями ставили, миром, тогда так было принято. Все бы

ничего, но была одна напасть, хоть бросай или сжигай дом, прости, Господи! А бедой-то были клопы! Что только мы не делали! Живут, заразы! Просто наказание египетское! Но попривыкли не много, куда денешься, но привыкнуть совсем к этой беде было невозможно.

Так наши квартиранты нас выручили. Прожили они у нас месяц и снялись дальше в путь. Стали прощаться, слезы, рев, грузим их матрасы и одеяла, прощаемся.... Ушли.

Но вот чудо, вместе с ними ушли и клопы! Мы не сразу заметили это дело, но факт есть факт, ушли. С тех пор мы их не видели ни одного! Видно, веселые цыгане им приглянулись, может кровь у них слаще, а может надоела наша худосочная кровь, шибко уж мы были худы. Ушли, стало быть, эти звери от нас.

Не успели мы забыть своих благодетелей прежних цыган, как является другой табор. Стали они, как водится, у реки, и пошли по дворам. Все привычно, ходят несколько дней и двинут дальше. Вечерами, как повелось, с места табора неслись звуки песен, горели костры, некоторые местные ходили к ним в гости. Мы, девки малые, только издали могли наблюдать за происходящим на таборе, да и отец наказывал строго, не иметь с ними общения.

Дома в те поры не запирались на замки, подопрешь дверь палкой или ветку вставишь в запор, и каждый знает – хозяев нет дома, а стало быть, от ворот поворот!

Но одна цыганка из нового табора пренебрегла этим за-

претом и вошла в наш дом. Отец был на работе, мы в школе, делай что хошь. Жили мы не богато, из самого ценного в доме сундук, даже не он, сундуки были в каждом доме, а то, что в нем. В деревянных, огромных, кованых и не кованых сундуках хранились одежда для праздников, приданное для дочек, вообще, самые дорогие вещи. В нашем сундуке было почти пусто. Все дорогое: отцовский пиджак, брюки, картуз, сапоги и прочая мелочь давно были проданы, а деньги ушли на похороны мамы и продукты. Наших дорогих приданных еще не существовало в природе. Но в нем лежали несколько маминых платков, купленных папой маме по разным случаям, ну, когда мама была жива. Любил он ее! Вот эти платки, он ни в какую не хотел продавать и частенько говорил, что они достанутся нам на память о маме. Все-таки, он готовил нам приданное.

Цыганка, оглядев дом, сделала точный выбор, открыв сундук забрала на свою беду, мамины платки. Чем бы все это кончилось, не ведаю, не приведи Господь отца домой. Видя, что дом открыт, он удивился: не случилось ли что с нами, подумал он? Взбежав на крыльцо, нос к носу столкнулся с воровкой. Будь она честна, ничего бы не произошло, подумаешь, ошиблась, с кем не бывает, отец был добрый человек. Но когда он увидел платки мамы у нее в руках и за пазухой!!!

Как он сам потом говорил, свет померк в глазах... Бил он ее, как говорится, смертным боем. Когда его оттащили от нее, она была еле жива - вся в крови и собственных испраж-

нениях.

Когда прибежали мы, отец сидел, обхватив голову руками, и плакал. Увидев нас, он бросился к нам и стал просить прощения, за то, что оставит нас сиротами. Мы ничего не понимали и тоже плакали, успокаивали его. Только потом поняли, что он боялся, что его обязательно за это преступление посадят, а как там жизнь пойдет, кто ведает. Вернется ли? Горе! Горюшко!..

Цыганку отвели в сторону табора, но люди не уходили из нашего двора, с тревогой ожидая мести цыган, и даже решили дежурить по очереди. Страшно было до ужаса! Поди, подпалят дом или ригу? Заполыхает - не остановишь, сгорит деревня. А как жить? Послышались призывы пойти прогнать цыган. Некоторые призывали вызвать милицию и сдать их власти. Пусть их судят за воровство. А как же судьба отца? Они все свалят на него и посадят ни за что. Сейчас разобраться не станут. Проблема!

Вдруг мы увидели, как в нашу сторону идет цыганский барон, так он у них прозывался. Отец вышел навстречу, толпа стояла в тревожном ожидании за спиной отца. Подойдя к обществу, барон поклонился, поздоровался и, к удивлению, у всех попросил прощение за свою подопечную. Он сказал, что знает всю историю и поступок цыганки считает подлостью, что она достаточно наказана, но после выздоровления она будет изгнана из табора. И они сегодня же уйдут из нашего села, но если судьба когда-нибудь вновь сведет нас сно-

ва, то подобного не повториться. Все были удивлены, обрадованы и вздохнули с облегчением. Барон попросил общество, чтоб все осталось между нами. Отец протянув ему руку и тоже попросил прощения.

Барон ушел. Вскоре стало слышно, как табор стал сниматься, и к полуночи их не было видно. Но люди до самого утра продолжали на всякий случай ходить по улицам.

Много лет прошло с тех пор, не один табор приходил в наше село, но больше таких историй не было, а отца нашего знали все цыгане.

СТРАХ ГОСПОДЕНЬ

Он просыпался рано.

Всегда.

И любил лежа смотреть в самого себя. В эти мгновения он был самым собой и жалел о том, что скоро просветлеет оконце, зашебуршит жена в горнице, замычит, заблеет все вокруг и придет жестокий день, убивая все прекрасное в нем. Безжалостно выталкивая его из мира грез в безумный и оголтелый мир.

Куда все девается!?

Пожелания исправиться и исправить мир, остаются только пожеланиями. За порогом дома, вся его воля растворится в неотвратимости существующего бытия, и он бездумно будет плыть по течению дня.

И только новое утро вновь вернет его самому себе.

Вот и сейчас он по привычке, заложив руки за голову, собрался взглянуть на себя, но ощутил такой холод внутри, что вздрогнул. Еще не вполне осознавая происходящего с ним, он увидел себя со стороны.

Сверху и чуть с боку.

Сдерживая биение сердца задержкой дыхания, он медленно поднял глаза кверху, надеясь увидеть то, что его взволновало, но не увидел. Но присутствие кого-то было настоль-

ко реальным, что не подлежало сомнению. Но как бы он не пытался его увидеть, тот всегда оставался за пределами его взгляда.

- Ну, дела, - зашевелилось у него под ложечкой.

- Видно, край. Душа что ли вышла вон? А как же я шевелюсь? Дышу? – посопел носом, - Живой, вроде. Смыслю ж еще.

Он пролежал в оцепенении еще некоторое время и, вспотев от страха, решил все же попытаться встать.

Встал.

Мелкая дрожь пробежала по телу. Во рту пересохший язык, рашпилем рвал небо.

Взгляд неотступно плыл над ним. Казалось, подними руку – схватишь!

Пусто!

Все его существо, все мысли были связаны с этой метаморфозой. Это был он и не он. Что-то неведомое входило в его жизнь, долго ожидаемое, но неведомое. Это не то что бы пугало, но тревожило его. Какая-то далекая, еще не ясная тревога стало занозить сердце.

- Испугался! Ну, ну! Идет, летит ли?.. Край!!!

Он, машинально взяв с припечки папиросы и спички, вышел на крыльцо. Во дворе, у сарайшки, жена, бренча подойником, доила коровку

- Заметит ли она его или нет, интересно? – скользнула мысль.

Закурил, стараясь унять волнение.

Жена, поставив ведро с молоком на ступеньку крыльца, улыбнулась ему и ушла во времянку.

Было явно, что она **Его** не увидела. Ему даже стало не много обидно:

- Тут такие дела, а ей хоть бы хны! – улыбнулся он, приходя в себя.

Жену он любил. Никогда, даже в сильном подпитии, не то, что руку поднял на нее, но и плохого слова не сказал. Знал, что этого мало, но хорошие слова ей он говорил только в те мгновения утра, когда был или хотел быть самим собой, да и то мысленно. Она же, по-бабьи, причитала иногда о своей доле, но в целом уважала его: работающий, да и дети любят его. Плачут только, когда приходит пьяный домой. Прячутся. Не от страха, от обиды и стыда.

Скулив папиросу, он почувствовал – вроде успокоился. Но, скорее всего, он стал привыкать к своему странному соседу.

После завтрака он, ощущая постоянное присутствие самого себя над собой, пошел на работу. Дорога до работы занимала до пятнадцати минут, но сегодня он пошел задом, через речку, чтоб не встретить случайных попутчиков и не потерять своего нового состояния. Оно ему начинало нравиться и ожидание нового наполняло его. И это новое непременно будет прекрасным! Было тихо, прямо пахло травами и росой и солнцем, встававшим над горой.

Он вдруг поймал себя на том, что продолжает свой мысленный диалог с самим собой, и обрадовался этому. Не успев обрадоваться, испугался:

- Значит, это не моя душа! Раз я говорю с собой, а он надо мной... Кто же тогда он? Может спросить?

Он прокашлялся и, оглянувшись по сторонам, спросил:

- Кто ты?

Никто не ответил. Понимая, что так можно показаться не только смешным, но и ... Он растерялся.

- Если и так, и так молчит, то это плохо или хорошо? Да, край!!!

Вскоре он уже подходил к конторке, где проходил утренний наряд. Войдя, в пропахшее куревом и дегтем помещение, он впервые ясно увидел лица людей, с которыми проработал не один год. Он их не только увидел, но ощутил. Каждой клеточкой своего существа!

Он видел себя, одетого, как и многие, в помятый, поношенный пиджак, брюки, заправленные в сапоги. Видел бритые и заросшие щетиной лица. Седые, черные, рыжие головы. Слышал их разговоры, смех. Видел, как густо струится дым под потолком. Видел солнечный квадрат на заплеванном полу. Он отвечал на шутки, курил и улыбался и вглядывался, вглядывался в этот новый для него мир. Внутри у него все дрожало!

- Что же это такое, блин! – свербила его мысль, - Будто проснулся после летаргического сна. А может я, того, в дру-

гом мире?

- Со всеми сразу? – урезонил он себя.

Он впервые, после детства, почувствовал, услышал звуки жизни, ее дыхание. Радость, переполнявшая его, была так ему знакома, и не хотелось с ней расставаться. И он затревожился, боясь потерять эти ощущения.

До обеда время летело как птица, как мгновение, но он все равно торопил ее, ожидая окончания рабочего дня. Ему очень хотелось с кем-нибудь поделиться с обуреваемыми его ощущениями, и решил – с женой. Он верил - она его поймет, как никто другой...

После обеда к нему на работу зашли его «вечные» друзья – собутыльники. Чувствуя, что не может от них избавиться, он пошел за ними, в глубине души надеясь на помощь нового «друга».

На берегу реки, где они обычно потребляли дешевый портвейн, он попытался объяснить и уйти, но поднятый на смех, озлобившись на себя за малодушие и трусость, хватанул стакан... И пошло, и поехало...

Все ушло и растаяло. Прежние ощущения исчезли, и он уже не мог понять: было или не было? Хмель ударила в голову, и бездонное болото все глубже засасывало его в темную и вязкую пучину, где не было солнца, воздуха, жизни...

К вечеру на берегу реки можно было видеть обычную картину: спящие среди кустов люди, пустые бутылки и безысходность. Только сегодня он не валялся и не спал, а одну за

другой курил свой дешевый «Прибой». Он не чувствовал себя пьянее обычного, только внутри была боль.

Он проиграл. Что-то важное...

Тут он вспомнил о нем и с тихим ужасом подумал:

- Ушел? – и, поняв, что **это** рядом, не владея собой, пьяно и картинно заламывая руки, воскликнул:

- Скажи мне, ради Бога, кто ты? – и по привычке, не ожидая ответа, хотел продолжить свою тираду, но случилось что-то невообразимое.

- Я твой Ангел – хранитель, - услышал он.

Услышь он что-либо другое, наверное, было все иначе. Может быть, продолжился бы кураж, но тут он обмер. Он снова ощутил утреннее состояние: дрожь, язык, небо, отсутствие воздуха и сердце, готовое выскочить из груди.

- Зачем, - прохрипел он, едва шевеля вмиг опухшим языком.

- Что – зачем?

- Зачем Вы здесь? Что мне пора?

Он говорил, а сам, пятясь, шел от реки, падал, вставал. Наконец он повернулся лицом к деревне пошел, все ускоряя и ускоряя шаг, почти бежал.

- Подожди! – услышал он, - Стой!

Понимая, что ему не уйти, боясь послушаться, он остановился.

- Не бойся меня! Я хочу тебе помочь! Зачем ты стесняешься своей любви? Бессмысленно! Нельзя так жить! Ты знаешь

как страшно там, внизу?

- Что может быть страшнее того, что я имею и вижу? – закричал он, - Что? Бессмысленная жизнь, ложь, насилие... Что может быть страшнее моей жизни, которую я боюсь изменить? Что может быть страшнее меня, превращенного в жалкое, трусливое животное, которое думает только о том, что поесть, попить, одеть? Я забыл, какая бывает жизнь... Я боюсь, а чего сам не знаю!

Он кричал, все более распаляясь, почти визжал. Его перекошенное лицо было в слезах, которые падали прямо в сердце. Они заполняли ее. Оно тяжелело, и готово было разорваться на куски.

Он вдруг четко и ясно понял, что он лжет.

Самому себе и **ему**.

«Неужели кто-то должен любить за меня? Но тогда это не моя любовь! Моей любви просто нет! Тогда чего же я жду от других? За что любить меня, если я не люблю?»

- Ты думаешь, - прошелестело над ним, - страх вызывает только что-то страшное и ужасное? Разве страх потерять то, что тебе дорого, то, что ты любишь, ничто по сравнению со страхом наказания? Ведь то, что любят – берегут. Надо бояться потерять любовь и уважение, а не наказания. Ты не должен зарывать свои таланты, но приумножать их. А все твои слезы, страхи, от трусости и глупости. Посмотри на меня, разве тебе не хочется быть со мной?

И он увидел **Его**.

Небо было рядом!

- Я все понял, - проговорил он, - Теперь я знаю, чего надо бояться.

- Чего же?

- Потерять любовь Боженьки ко мне.

- Ты на верном пути.

- Не уходи! Ты мне нужен!

- Я и не уйду. Я всегда рядом.

Он очнулся у себя за домом, лежа в густой траве. Он глядел в небо, где появлялись первые звезды.

- Самые яркие, - шевельнулось в сознании, - сильные...

Вдыхая запахи наступающего вечера, любуясь звездами, он неожиданно проговорил:

- Отче мой! Прости меня! И спаси, если можешь!

Медленно, стараясь продлить эти блаженные минуты, он встал и побрел к дому. Теперь он был сам собой и знал, что ему нужно делать.

СЧАСТЛИВАЯ БОЛЬ

«Доцент» умер глухой осенью...

Земля, пропитанная холодными, долгими ливнями по «самое - не могу», застыла черной бетонной глыбой, припорошенная колючей порошей поздних снегов. С кладбища, расположенного за рекой, на голом склоне небольшой горушки, широко открывался унылый вид осени. И от всего этого на душе было тяжело и тос-с-клив-о-а-а!

Мы, те, кто считал себя другом «Доцента», по просьбе его родителей, долбали промерзшую землю, блестящую стеклом на сколах, обливались потом, но дело шло не ходко. Часто перекуривали, передавая друг другу, неуспевающий остывать лом. Кто-то предложил разжечь костер, отогреть хоть немного землю. Идея понравилась, тем более она дала долгожданную надежду на успешное завершение титанического труда.

Вскоре запылал костер. От него стало немного теплее и уютнее... Разговор о покойном прерывался очередной «минутой молчания», когда кто-то выпивал поданную ему рюмку. Почти не закусывали.... Вспоминали....

«Доцент» жил с родителями и был старше нас лет на шесть или восемь. Он давно уже не работал, был на инвалидности и, почти все время, проводил с нами, пацанами с

Нижней улицы. Это была многолетняя дружба, проверенная временем. Хотя для кого-то эта дружба была странной, но мы не чувствовали ни этой странности, ни разницы в возрасте. Он был нормальным парнем и любил нас, впрочем, как и мы его. Он был чутким и бережным и дорожил каждой минутой, проведенной с нами. И мы знали и видели, как он радовался этим мгновениям и ради нас готов был на все. Таким мы его знали, таким запомнили.

Но мы знали, что бывало и по-другому, когда наш друг долго не появлялся, когда странная тогда для нас болезнь под названием «радиация», скручивала его в бараний рог. При нас он старался никогда не показывать своей слабости. Но что он претерпевал, знала только тетя Лиза, его мама. Мы только догадывались по заплаканным и темным от боли материнским глазам.

Он всегда возвращался к нам, но встречи становились короче, разлуки длиннее. Взрослея, мы разъезжались по миру, он провожал нас, встречал, плакал от радости, да и мы с ним...

Такой искренней дружбы до счастливой боли у меня уже не было никогда после.

Его сверстники в большинстве своем относились к нему с равнодушием, но были и те, кто называл его «чокнутым», может, потому и тянулся он к нам, мальчишкам, потому что не было в нас еще того равнодушия и черствости души. Детские души, чистые и добрые, не дают оценок в угоду другим

и определяют людей по двум качествам – хорошие и плохие. И мы, видевшие от него только хорошее и доброе, справедливо считали его куда более нормальным, чем иных «нормальных».

Так случилось, что нас, старых друзей, Бог свел в один день в родном селе. Еще вчера мы радовались, что позади служба в армии, и надеялись на долгожданную встречу... а тут, такое горе... Мы не успели... Он нас не дождался... Подвел черту под своей жизнью. Зачем?! Зачем?! Не хотел быть обузой старым родителям, уставшим и задерганным?

Мы тоже уже кое - что успели повидать в своей жизни и думали, что сможем его поддержать! Он же любил жизнь! Но мы опоздали...

Костер разогрел землю, она запарила, и стало легче капать. Дело пошло быстрее, но нет – нет, оно прерывалось грустным смехом, когда вспоминали что-то смешное и дорогое. Пусть простит нас Бог за этот, может не уместный смех, но нам «Доцент» вспоминался только так – радостно и весело...

«Доцент» вернулся больным из армии. Но болезнь, на первых порах, не проявлялась особенно сильно, и потому он работал шофером. Помню, как он впервые пригласил нас прокатиться на своем стареньком «Уральце»! А потом делал это чуть ли не каждый день. Так начиналась наша дружба.

Мы тогда многого не знали и удивлялись, что он иногда пропадал, иногда надолго. Мы скучали и, если он бывал до-

ма, гурьбой ходили в гости. Ему, видимо уставшему от своих операций, нравилось говорить с нами обо всем, вплоть до пустяков, только не о своих хворях. А мы толком то и не знали о его болезни. В детстве разве думаешь о таких пустяках как смерть и болезни. Его мама угощала нашу ораву нехитрым угощением и мы, сохраняя достоинство и честь, поглощали кисель с хлебом, а летом, бывало, и свежий мед с сотами.

Шли годы, мы выросли, встречи становились все реже, то он болел, то уезжали мы, кто на учебу, кто в армию.

Ему дали инвалидность, назначили пенсию. Он немного раздобрел, но оставался по-прежнему веселым и старался казаться бодрым.

Рукодельник он был знатный, но удивил всех тогда, когда выехал на сонные улицы села на гремящем авто собственной конструкции! И пусть этот авто неимоверно грохотал обшитым тонким железом и движком без глушителя, но это была его Победа над собой, над надоевшей болезнью, над равнодушием. Мы его никогда более не видели таким счастливым.

Тогда и прицепилось к нему окончательно кличка «Доцент», чему он, впрочем, не возражал.

...В записке, оставленной им, несколько слов о том, что ему все труднее переносить боль... Просьба к родителям простить его и просьба к нам – проводить его в последний путь. Он как будто знал, что мы будем сейчас рядом с ним, пойдем его, простим и сделаем все как надо...

....Что мы и делаем в глухую осень в сгущающихся сумер-

ках, заканчивая обустройство последнего приюта для своего друга...

Снег, густо поваливший из серого неба, обещал на завтра теплый день...

Ангел Хранитель

История, о которой мне хочется рассказать, произошла в начале шестидесятых годов. Наша семья тогда вернулись в родное село, после нескольких лет командировки отца в самом дальнем отделении совхоза, которым он управлял. В родном селе им был отстроен новый дом, рядом со старой дедушкиной хибаркой. Большой пятистенок с шиферной крышей был красив и казался огромным. Мы, пацанва, носились по окрестностям, влезая во все происходившие в округе дела и были в курсе всех происходящих событий. Стройки шли по всему селу, жизнь налаживалась и становилась все лучше и интереснее.

Для нас, «разбойников», не было особых запретов, кроме того, чтоб «не путались по ногам и не мешали», но были бы всегда под рукой и на виду: принести родниковой водички, сбегать за спичками или папиросами, что для нас было делом не сложным и приятным, делая и нас соучастниками происходящих событий. Наш дом был, практически, готов, а работы на соседском, через дорогу, шли к завершению, два-три дня назад возвели на нем крышу и двор засыпали щебенкой. Красота! Скоро дом заживет своей жизнью!

К скату крыши стояла прислоненная лестница, а на скате лежал наспех сколоченный трап и все это, безусловно, нас,

мальчишек, ужасно интересовало, но было все же боязно.

По прошествии многих лет я уже не помню, как зашел спор о смелости ли, о страхе ли, но кто-то из сверстников посмеялся, что никто из нас мальцов не сможет влезть на «конек» крыши и оглядеть окрестности. Кто меня дернул за язык, что это дело плевое, я теперь знаю, но тогда... Факт остается фактом - я полез. Страха не помню, я лез все выше и выше... Вот и трап... Лезу дальше и даже начал успокаиваться и от мысли помахать рукой трусишкам сверху, перехватывало дыхание.

Вот и вершина! Я сидел на самой верхотуре и оглядывал окрестности. Пацаны что-то кричали, я взирал на них и жалел о том, что они не видят этой красоты!

Не засиживаясь, могут заметить и взрослые, тогда жди нагоняй, стал собираться к спуску. И тут меня стал брать мандраж... Я приказал себе не трусить, но все же...

Перебросив ногу через «конек» крыши и, держась за него руками, стал передвигаться в сторону трапа, но потерял равновесие. Что было дальше я помню хорошо, но не помню ни одной своей мысли, ни страха.

На все дальнейшие события я смотрел со стороны, но не издалека, а совсем с близкого расстояния, с верха.

Мое тело медленно поползло с крыши, слегка набирая скорость. Край крыши неумолимо приближался, мелькнула мысль: наверное, будет больно. Остальное время я почему-то наблюдал все действия как бы со стороны, вернее чуть свер-

ху.

Я, то есть мое тело, продолжал свое скольжение! Вот и край крыши! «Сейчас я рухну вниз и ... - мелькнула равнодушная мысль...

Край крыши!

К моему удивления полет мой был не стремительным! Наблюдая приближение земли, медленное приближение, совершенно не помню страха: его не было! Тело мое парило и опускалось все ниже и ниже. Время, как мне показалось, остановилось, замедлив свой бег.

Почти у самой земли безболезненно соединившись со своим телом, я упал, но удар был не очень ощутим, на гравий.

Мне кажется, что именно в этот момент мной был сделан первый вдох с момента начала скольжения по крыше. Воздух, огромным колючим комком с трудом врвался в легкие. Появился страх, но ожидаемой боли не было. Несколько царапин не в счет! Появился ранее не ощутимый страх, но который быстро исчезал, меняясь на радость. Шевеля руками и ногами, стал вставать и увидел белые, перекошенные от страха лица друзей и бежавшую от нашего дома вопящую благим матом маму. Я понял, что мне сейчас будет «кердык». Вскочив с земли, я бросился бежать, но, или выход со двора был один, или инстинктивно, побежал навстречу маме. Проскочить мимо мамы мне не удалось. Схватив меня, она кричала что-то типа «где болит?». А у меня, можно сказать, ни

царапинки! Только испуг за маму, за ее слезы и как бы не попало. Мама постепенно успокаивалась, люди молча расходились, с любопытством глядя на нас. Вскоре и мы отправились домой.

Путь постижения любви

Начало большого пути.

Существующий мир вокруг людей, раскрашенный одним художником, воспринимается людьми по-разному. Каждый человек видит его со своей стороны и, к сожалению, чаще всего, человеку кажется, что его взгляды и мнения об этом мире единственно верные.

Каким бы не был мир многоцветным, но без солнечного света он все же сер и маловыразителен. Но человек не пытается изменить то, что не в его силах, зная, что за облаками солнце и нужно терпение, потому что, рано или поздно, его лучи пробьются сквозь серую мглу. Это будет повторяться раз за разом и яркое солнце вновь и вновь будет освещать и греть землю.

В человеческих судьбах солнцем является любовь. Вера, освященная любовью, не дает человеку впасть в уныние. Человек, не имеющий солнца-любви, становится безумен, решив, что он сам себе солнце и освящает свой путь сам, не ведает, что это только тусклый лучик фонарика во мраке вечности.

Хорошо, если душа, восторгнувшись и вспомнив об утерянном настоящем солнце жизни, начнет поиск и обретет

его. А если нет? Так и пребудет душа в едва освященном своем мире, так и не познав огромного светлого мира, освященного ярким, теплым и красивым солнцем, зовущуюся Любовь.

В нашей жизни мы не раз имеем, как урок, как предупреждение, события, имеющие знак судьбы, но чаще всего они проходят мимо - «не коснувшись нашего огня». События, которые были даны нам для пробуждения закоренелой, горделивой души, остаются без внимания, а то и призраемы, как слабость, не имеющая к нам никакого отношения.

В ожидании этой встречи с Любовью, о которой мы много раз слышали и мечтали, увлеченные своими поисками, в течении которых, создав свои образы и правила, проходим мимо нее - живой, такой знакомой, но не узнанной! Как ее узнать!? И как много мы должны сделать, чтоб она нас узнала!?

Вся наша жизнь – постижение великой Любви, складывающейся из множества каждодневных отношений. Когда мы молоды, то самоуверенно считаем, что знаем о ней все, не понимая того, что первая любовь всего лишь предчувствие той большой, которую мы ищем. Она всего лишь частичка той большой Любви, к которой нам предстоит идти всю жизнь.

Детство моих героев пришлось, не на самые трудные послевоенные годы, а на более позднее время, когда боль утрат и переживания уже ослабили в душах людях. Отстраивались города и села, заводы и фабрики, лежавшие в руинах от за-

падных границ до самой Волги. Совсем молодые ветераны выросли, обзаводились семьями, работали с утра до глубокой ночи. Бывало отцов дети не видели по нескольку дней: они приходили домой поздно, когда дети, обычно, уже спали, а уходили порану, когда они еще сопели носиками в сладких снах, разбросав руки, на деревянных нарах, занимавших полкомнаты, места было много, да и детишек было не мало – семьи были большие! У родителей нашего героя в семье вместе с ним было пять мальчишек. Мама по началу переживала и очень желала иметь хотя бы одну девочку, о которой мечтали и мальчишки, но увы... Мама, в последствии, говаривала, что отсутствие девчонки и к лучшему: меньше переживаний. Шутила, конечно.

Детей в семьях, действительно было много. Семья в 10 - 15 человек не было редкостью. Шумная ватагой дети, носившиеся по округе, забегали к кому-нибудь во двор попить водички и не было случая, чтоб они ушли без угощения. Хлебушек, посыпанный сахарком, политый водичкой или с медком нового урожая, а тем более, если попадали на пирожки с картошкой или капустой, был настоящий праздник. Много лет спустя, вспоминая эти события детства, не менее счастливые добрые глаза бабушек и мам, для которых мы не были чужими, а самыми, что ни на есть родными, невозможно сдержать слез благодарности...

Погода тогда тоже была другая, чем нынче. Проливные, как из ведра, дожди не были редкостью, и детвора не пря-

талась от них, а носились под теплыми струями по лужам и набиравшим силу ручьям, не боясь ни травм, ни болезней. После дождя, мокрые и грязные, они бежали на речку у села и не раздеваясь купались, а потом расстилали выжитые мокрые, пошитые мамами майки, трусы и шаровары на траве, сушится по лучами жаркого солнца.

Бывало, тут же и задремлют. Проснувшись, бежали на горку поесть «зайчьей капустки», молодого зеленого лука и чеснока, по пути прихватив в лощинках щавеля и испить прохладной, не вероятно вкусной родниковой воды. Позже природа кормила земляникой, костяникой, вишней, черемухой и многими другими дарами, которых было в изобилии в лесочках, пригорках и лощинках.

Когда пришло время идти в школу, в классе, где учился Сергей, было 43 ученика, а первых классов в школе было семь. Школа, построенная после войны, деревянная, с большими окнами, широкими коридорами, высокими потолками, с партами, пахнувшие свежей краской, была для ребят любимым местом в селе. Около школы был сад – огород, где часто проходили уроки ботаники, разрабатывались грядки, за которыми ухаживали ученики. Фруктовых деревьев было немного, но зато росли ранетки, которые к сентябрю набирали силу и вкус, становясь предметом ребячьих набегов.

В один из таких теплых дней сентября, после школьной линейки, приведенные в пахнущий незабываемыми осенними запахами класс и начинается история наших героев - Сер-

гея и Али.

Мальчишки, как водится, разместились за партами в конце класса или по-простому на «камчатке», а девчонки, естественно, поближе к учительнице, на передних партах. Все были довольны и веселы, но вошла молодая учительница, только в этом году окончившая педагогический институт и строгим голосом, не допуская возражений, всех рассадилась по своему плану. Так и просидели за одной партой Сергей с Алей до окончания восьмого класса, став почти братом и сестрой, зная о друг друге многое из того, что для других бывало тайной. Но жизнь есть жизнь и чувства никто не отменял.

Становясь взрослее, Сергей все чаще смотрел на Алю не просто как на одноклассницу, замечая, что между ними уже нет тех искренних и открытых отношений. Сергей понимал, что появилось нечто большее, пока еще не вполне осознанное, чем детская дружба, что заставляло сердце волноваться неведомым до сих пор чувством.

Начало сентября того года, как обычно начинался каждый учебный год, было связано с уборкой урожая в совхозе. Школа, как заведено, активно помогала ему в полевых работах. По окончании сельхозработ, ближе к октябрю, восьмиклассники начали активно готовиться к вступлению в комсомол: изучали устав комсомола и историю ВЛКСМ, историю родного края, проводили собрания, где проверяли готовность учащихся ехать в районный центр на заседание райкома ком-

сомола, где их должны были экзаменовать и определять готовность к вступлению в ряды комсомола.

За день до поездки в райком Сергей решил объясниться с Алей и написал ей записку, приглашая на разговор. Хотя, как казалось, он все продумал, но все же Сергей явно трусил, но оставлять этот вопрос без решения ему не хотелось. Была не была! Подспудно он надеялся, что она не придет, что было бы и отказом, но все было запущенно и он обязан был все довести до конца.

Октябрь того года был теплым. Улицы села были перерывы глубокими траншеями – в селе проводили водопровод, устанавливая колонки, что безусловно, облегчило бы водоснабжение селян, до того таскавшие воду флягами и ведрами на коромыслах из речки и колодцев.

Темнело.

Сергей, добравшись до середины села, пошел к назначенному месту встречи с Алей, которая, к его изумлению, все же пришла. Поздоровались, несколько мгновений помолчав, Сергей без обиняков предложил Але дружить, которая некоторое время помолчав, заявила, что дружит с другим мальчиком. На нелепый, не тактичный и не касавшийся его вопрос о его личности, она назвав имя мальчишки из совсем другого класса и улицы. Сергея обуревали разные мысли и самый главный: а зачем тогда она здесь? Растерянный и взволнованный происходящим, он тогда так ни чего и не понял.

Он услышал одно - «нет».

Вопрос для него был решен: ни чего другого он, впрочем, и не надеялся услышать. Было не совсем, а точнее, совсем не приятно, услышать такой ответ, но тогда ему, безусловно, не хватило опыта и мудрости. Юношеский максимализм сделал свое дело. Если бы юность была более восприимчива к этим проблемам, то и бед, и трагедий было бы гораздо больше.

Она ушла. Ему казалось: прошла вечность. Но, вздохнув с облегчением, что все разрешилось, он пошел своим путем.

Сергей с братом собирался после восьмого класса поступать в суворовское училище. Хотя это была идея брата, он тем не менее не отказался от этой идеи и упорно готовился к поступлению. Поездки в военкомат на различные комиссии, сбор документов и прочие дела делали его даже в своих глазах особенным. Профессия военного привлекала братьев с малых ногтей, но ближе к окончанию восьмилетки у Сергея интерес к военной службе стал остывать, но запущенный процесс, как ему казалось, уже невозможно было остановить. Он иногда презирал себя за малодушие, но обстоятельства были сильнее его. Закончились выпускные экзамены и начались зубрежки по вступительным предметам.

Сборы и поездка на экзамены увлекли Сергея от обыденности, чему, впрочем, он был рад. Новые места, новые люди, совсем другой неведомый доселе мир оглушил его и манил. Он жадно впитывал все виденное и слышанное, стараясь со-

хранить в памяти хотя бы главное и, наверное, потому провал на экзаменах он особо не переживал, даже в втихомолку радовался. Видать - судьба! Или - не судьба!

Он сам был удивлен своему спокойствию и старался не показывать его своему брату, который тоже потерпел неудачу. Хмурого лица с скорбно насупленными бровями вполне хватало для внимания брата, который был действительно огорчен произошедшим. Дорога, новые впечатления от встреч с новыми знакомыми развлекали, радовали и не давали Сергею замкнуться в своих переживаниях. Ему предстояло возвращаться в родное село, где его, волнуясь и тревожась, ожидали родные и друзья. Хотя ему было немного неловко, что не оправдал их надежд на него, но он все же больше был рад, чем огорчен, что все так вышло и он, наконец-то, свободен от этих переживаний, которые как ему теперь казались совсем того не стоили.

Сергей возвращался домой!

От железнодорожной станции до его родного села с пересадкой в райцентре было более шестидесяти километров, но это если ехать рейсовыми автобусами, и на это уходило с ожиданиями на автовокзалах больше половины дня. И потому, сойдя с поезда, он по привычке отправился на автобусную остановку и вскоре прибыл на конечную, откуда отправился на окраину голода, где высились отвалы карьера обогатительной фабрики, свозимые старыми МАЗами и огромными двадцати пяти тонными БЕЛАЗами.

Еще издали, идя к месту обычного ожидания попуток в свою сторону, он заметил группу пацанов, в которых к огромной радости узнал своих одноклассников. Предвкушая путь с друзьями и одноклассникам, по которым он оказывается успел соскучиться, он замахал руками и побежал к ним, радуясь неожиданной встрече. Объятия, приветствия, (так надолго они еще не расставались) смех, вопросы, на которые никто не отвечал, да и не ждали ответа! Просто хорошо! Куряки задымили сигаретами, постепенно шум- гам успокаивался и други, узнав, что Серега в «пролете», стали приглашать его поступать вместе с ними в горный техникум, куда они сегодня сдали документы. Так Сергей оказался в городе, где впоследствии будут проходить основные события его жизни.

Подчиняясь общему настроению друзей, настоянию родителей, противившихся его желанию остаться в деревне и «загубить свою жизнь», он, подчиняясь воле «большинства», отнес документы в приемную технаря. Скрепя сердце! Хотя и сам толком не мог в себе разобраться: что же делать? Но... Дело было сделано.

Лето прошло в заботах по дому, а вечерами – клуб, танцы... ах, лето, звездное лето! Август – поездки в город, экзамены, волнения, новые впечатления, фантазии, мечты! К своему удивлению он нашел себя в списках поступивших и не сказать, чтобы это его впечатлило, скорее он почувствовал легкое разочарование, но дело было сделано и, видимо,

это была судьба. Так решил он. Родители, особенно мама, были очень рады за него, а ему было радостно за них.

Началась учеба.

Вначале было интересно учиться и даже просто, но чем ближе подходило окончание семестра и приближалась сессия, тем чаще у Сергея портилось настроение. Учеба в техникуме требовала полной отдачи, но как он ни старался, математика, к тому же высшая, со всеми ее правилами и формулами никак не хотела закрепиться в его голове. Не то чтобы ей не хватало места, нет, но видимо, это было не ее место пребывания. После седьмой попытки сдать зачет, преподаватель, обхватив голову руками и, сумрачно глядя на его зачетку, произнесла:

- Меняй профессию, Сергей! Пока не поздно! - и вывела в зачетке «удовлетворительно».

Год он все же проучился, к концу которого стал все чаще болеть, то ли от страха, то ли от хитрости. Ему даже стало это нравиться: чуть что, он на прием к врачу и, как ни странно, его довольно часто направляли в стационар, где он чувствовал себя гораздо лучше. К нему даже привыкли и принимали как своего. Он рисовал отделениям стенгазеты и плакаты, подписывал кухонную посуду и ходил за обедами, таскал тяжелые баулы с постельным бельем в стирку и обратно, и это было ему не в тягость. Выписку ждал как наказание, но ничем не выражал своего недовольства.

Однажды, находясь в очередном своем побеге из учебного

процесса, (в этот раз потребовалась помощь хирургическому отделению в оформлении наглядной агитации), он познакомился с юной болящей девушкой. «Стройная, милая девушка» привлекала внимание юношей, к тому же улыбчивая, веселая, синеглазая блондинка сразу стала, естественно, центром внимания болящей мужской части отделения.

Ему она была немного знакома, но не близко. Она была подружкой парня с микрорайона, где жила его бабушка, и он был с ним довольно близко знаком. Это был авторитетный парень в среде квартальных пацанов, играл в хоккей за город и да просто красавец!

Была весна. Распускались листья и цветы, оживала природа и жизнь! Сергей и она, в виду знакомства, общались просто и часто, когда он помог ей выйти из затруднительного положения во время игры в «дурака», подсунув под столом ей нужную карту, отношения стали дружескими.

В один из таких весенних дней Сергей заметил в дворе больницы большую группу молодых людей и ее друга среди них. Оказалось это призывников привели на медкомиссию. Она к удивлению Сергея, не выразила особого беспокойства по поводу данного события и оставалась совершенно спокойна. Ему было удивительно все эти странности и, наблюдая за всем этим со стороны, пытался понять происходящее, но не мог. Тогда он решился спросить ее: как все это понимать? Она грустно улыбнулась (ей наверно и вправду было не легко) и ответила, что она ему сказала, что ждать

два года его из армии не будет. На удивленный вопрос о том, она что собирается замуж? Она ответила: - Нет, но кто знает, что будет завтра? Так Сергей впервые в жизни столкнулся с непонятой ему до сих пор женской логикой. Эти события не сблизили их, да и она не проявляла интереса, оставаясь старым другом и сестрой его однокурсника.

Несколько встреч все же у них по жизни были. Одна из них произошла в его родном селе после возвращения со службы. Сидя на скамейке у ворот родительского дома, он обратил внимание на автомобиль «Волга» (не частый вид транспорта в наших краях), который остановился невдалеке. Распахнулась дверца и показалась нарядно одетая молодая девушка. Сразу было видно не простая. С нею вышла и другая, в которой он узнал свою односельчанку. К его удивлению, они пошли в его сторону. Он не был готов к таким сюрпризам и даже готов был бежать, но что-то его удержало, скорее всего – неповторимая улыбка, которую невозможно было забыть. Они подходили все ближе, а он пытался утихомирить свое затрепетавшее от неожиданности сердце. Он не помнил: о чем они говорили и сколько времени длилась эта встреча. Она повзрослела и стала еще краше, ее смех звучал также беззаботно и радостно. Она исчезла также внезапно, как и появилась. Была эта встреча или все было выдуманно – он не знает до сих пор...

В последний раз они встретились года через три, когда он закончил педучилище, в конце июня месяца. Он с ребятами

должен был получить диплом об окончании учебы раньше, так как нужно было ехать на экзамены в институт, но что-то там случилось и до обеда им не удалось завершить мероприятие. После обеда он с приятелем, торопясь в альма-матер, на перекрестке улиц нос к носу столкнулся с нею. Она была, как всегда, обворожительна и радость ее неподдельна. Засыпала их вопросами, особо не ожидая ответов. Узнав, что они завершили учебу и идут за дипломами, она еще пуще обрадовалась. Оказалось, что она тоже закончила институт, что замужем за Валерой и что она сшила себе офигенное платье, которое они обязательно должны увидеть. Все его доводы об отсутствии времени не принимались, и она исчезла, прокричав на ходу, что через пять минут она вернется, чтоб они ее ждали. Когда она исчезла из вида, Сергей тоже зашагал прочь, стараясь скорее исчезнуть с горизонта. Друг промычал что-то про то, что не хорошо так поступать с женщиной, но на его предложение остаться и доставить ей удовольствие, и оценить ее прикид, не принял, и они рванули в училище.

С грехом пополам Сергей продержался в техникуме еще семестр, пока кто-то не подсказал ему взять академический отпуск на целый год! Используя свои связи в медицинских кругах города, ему скоро удалось оформить отпуск и он с чистой совестью оставил родной техникум и вернулся в село.

Этот год для его родного края выдался нелегким – засуха. С апреля месяца до 22 августа на землю их края не упала ни одна капля дождя. Выгорела вся трава, опали листья с

деревьев, не выросли зерновые и кукуруза. Высыхали речки и родники. Страдали все: и люди, и живность. Стали собирать в колхозах и совхозах бригады для отправки на Украину для заготовки прессованной соломы. Сергей с друзьями собрались и напросились в эту командировку, и их инициативу одобрили. С июня по конец августа они провели в работах по погрузке тюков прессованной соломы в железнодорожные вагоны, и отправке их на родину. Именно после этой авантюры в его родных краях появились неведомые до того колорадские жуки, которых на Украине было несметное количество.

К концу августа он с друзьями вернулся домой, ребятам надо было подготовиться к учебе. Денег на дорогу начальство выдало им почему-то немного, но они особо по этому поводу не переживали. Подарочки - сувениры родным, праздничный стол, то да сё, а финансы тю-тю. Но ехать не долго, каких-то три – четыре дня! Перебьемся! Ни обид, ни злости не было ни на кого: значит так вышло. Пробьемся! В жестких общих вагона, часто на третьей верхней багажной полке, дорога домой была радостной.

Но не могло не произойти чуда для усталых, грязных пацанов и оно произошло. Уже за Урал – горой на большой станции, где должна была произойти пересадка на другое направление, сидели мальчики в ожидании своего поезда в зале ожидания. Грязная орава, к тому же голодных ребят, вызвала подозрение у попутчиков, что выражалось в их на-

стороженных взглядах и отсутствии пассажиров вблизи этой группы. Несколько ребят разбрелись по вокзалу в поисках чего – нибудь съестного.

Сергий с двумя друзьями сидел у вещей, сложенных у вокзальных скамеек. Было грустно и голодно и только мысли о том, что терпеть осталось всего сутки придавало ему сил. Он вспоминал родной дом, мамины пирожки с картохой, горячий и душистый ч - а - а-ай! И вдруг он увидел подбегающего к нему младшего брата! Испугавшись того, что у него начались глюки, он зажмурился. Но голос младшего брата звучал так отчетливо. Выдохнув из легких ставший колючим воздух, он открыл глаза и увидел маму! Она шла по вокзалу в его сторону и улыбалась, братик стоял рядом и тряс опешившего брата. Наконец к нему вернулся слух, и он бросился к матери. Прижавшись к ней, он ощущал как огромные горячие слезы возвращали его к жизни.

Мама, взволнованная от встречи и увиденной грязной толпы, потащила его в столовую, чему он, впрочем, не сопротивлялся. Отойдя немного от ребят, он попросил у матери денег, чтоб накормить пацанов и, полученный червонец, с радостью отнес мальчишкам, которые тут же отправились в столовую.

Это был день его рождения! К вечеру они были дома. Помывшись в бане, в чистой одежде он сидел с близкими за столом и был счастлив!

К ночи небо заволокло огромными черными тучами и

ближе к полуночи «разверзлись хляби небесные». На пыльную, растрескавшуюся землю упали первые с мая месяца огромные капли дождя. Они падали почти без звука в прогретую солнцем пыль и грохотали по крышам, возвращая краски посеревшему миру. Дождь лил как из ведра двое суток не переставая. Все замерло в ожидании дальнейших событий.

Проливной дождь смыл с возвышенностей всю пыль, которая жидкой грязью заполнила овраги, ямы у домов и дорог. Шоссе, покрытое вымытым гравием, желтой линией разбегалось во все стороны от села. По краю дороги стояли сапоги, потому как от дороги до дома в иной обуви не дойти. Через какое-то время все вернулось в норму: дожди шли своим чередом, везде наводили порядок и все реже народ вспоминал эти дни, занятый иными заботами.

До конца года все было обыденно особых событий не произошло в жизни Сергея. Но приближение января все чаще ему напоминало о том, что скоро все вернется на круги своя. Ничего не придумав нового, он смирился с тем, что, видимо, надо ему этот крест донести до конца. Его группа была уже на третьем курсе и это должно было ему помочь в учебе, но душа не лежала к этой учебе.

Во втором семестре, в январе он вернулся на учебу в новую группу, где оказались и его земляки, но помладше возрастом. В один из январских вечеров Сергей сидел с новыми однокурсниками в комнате общежития, когда туда вва-

лился рослый парнишка с параллельной группы и потребовал принести ему из магазина хлеба. Была почти полночь, и его просьба выглядела довольно глупо. Замечание Сергея о том, что ему надо пойти к себе и проспаться, вызвало в нем вспышку ярости, и он влепил Сергею оплеуху, Сергей от неожиданности и разницы в весовой категории отлетел в угол комнаты. На этом бы может все и закончилось, но быть слабаком в глазах земляков, тем более первашей, ему не хотелось. Понимая, что на кулаках ему будет сложно справиться с этим бугаем, Сергей, схватив стул, обрушил его на голову соперника. Произошло замешательство: бугай смотрел на него, как бы удивленно, переваривая что произошло. Все тоже смотрели на него, и Серега, понимая, что ему остается недолго радоваться жизни, схватил второй стул и со всей своей мощи опустил его на черепушку бугая. Тот постоял еще несколько мгновений и рухнул на пол. В коридоре возник шум и в дверях показалась ночная дежурная по общежитию и увидев громилу, лежащего на полу, заверещала своим противным голосом о помощи, а Сергей пошел в свою комнату, и не раздеваясь лег на постель, понимая, что события только начинаются. Так и вышло. Вскоре прибыл вызванный сторож-директор техникума и без обиняков заявил, чтоб духа Сергия не было в технаре.

Утром, успокоившись, Сергей понял, что это его шанс развязаться наконец с мучавшей его проблемой. Начались разборки и его таскали по кабинетам: завуч, педсовет, груп-

па и, наконец, снова директор. Техникум гудел, многие знакомые пожимали руки или показывали большой палец. Вначале он не понимал такого отношения к себе, но при разборке понял, что его визави оказался не простым пареньком, а спортсменом-разрядником, да еще по боксу, и когда их видели вместе, уважение к Сергею было понятно, так как этот борзой спортсмен был на голову выше его, и в весовой категории был раза в полтора, а то в два больше, чем тщедушный, но отчаянный и жилистый Сергей. Все видели ситуацию и знали этого паренька и многие с сочувствием относились к Сергию, а в бухгалтерии с него не стали вычитывать за два разбитых стула, оставив один на его соперника. Ему было приятно, что есть еще добрые и справедливые люди, и он был им благодарен.

Классная руководительница бегала с ним по кабинетам и уговаривала его написать покаяние и остаться в техникуме, но Сергию не хотелось упускать свой момент и он категорически отказывался от ее предложений.

Разборка шла целый день, изрядно надоев Сергию, и он, написав заявление об отчислении из техникума, пошел к директору.

К концу дня директор похоже успокоился и предложил Сергию остаться в техникуме, но без стипендии, без общежития. Сергей категорически отказался, и его уговаривать никто не стал. Получив справку об окончании полутора курсов техникума, наконец-то вздохнув свободно, Сергей от-

правился на север Свердловской области, где шла стройка обогатительного комбината и поступил в СПТУ на электро-сварщика, куда его не без труда, но все же зачислили как закончившего среднюю школу. Жизнь налаживалась!

Предательство.

Среднее профессиональное техническое училище в одном из городков Северного Урала Сергей всегда вспоминал с большой теплотой. Это было время, когда он действительно увидел настоящую жизнь своей страны, которая была многим и неведома. Край закрытых городов, куда был доступен вход только его жителям, где обеспечение благами было на высшем уровне. Край зон за колючей проволокой, поселков и городков, доступных всем, но основное население которых составляли «химики», осужденные, которые ежедневно должны были вечером отмечать в милиции свое присутствие. Это была совсем не та жизнь, знакомая ему до сих пор. Но везде живут наши люди и не важно, где ты живешь, но как ты живешь. Как ты относишься к живущим рядом с тобой.

Город был разделен на микрорайоны, где были свои группировки, которые следили за «порядком», чтоб пришлые не борзели и во главе которых стояли «шишки», у которых была своя свита. Пацанов обычно не обижали и не втягивали в разборки, берегли. Это потом в перестройку началась вакханалия, когда молодежь стали вовлекать в районные бандит-

ские кровавые разборки. А тогда еще было возможно вечерами и в соседний район забрести и не схлопотать по мордам.

Группа электросварщиков состояла из тридцати учащихся, половина из которых были девчонки. После первой организационной недели и подготовки группу Сергея с группой крановщиц, где были одни девчонки, отправили на традиционную уборку картофеля в какой-то дальний район.

Село встретило их тихо, без особого пиетета, но это была обманчивая тишина, которая была нарушена уже в сумерках группой подвыпивших местных аборигенов. Надо сказать, что ребят на картошку поехало всего шесть человек и один преподаватель, а разбираться с ними пришли человек пятнадцать полупьяных и возбужденных местных меринов. Силы были явно не равны, сдаваться же никто не собирался, но все же было не очень приятно. Сергей был постарше своих однокурсников, вчерашних школьников и волей- не волей пришлось брать управление в свои руки. Он, как и его собратья, выросшие в постоянных стычках, не очень боялись грядущих проблем, но все же, все же... Когда он понял, что ждать больше нечего, попросил ребят успокоиться, а сам вышел навстречу к местным. Толпа, увидев его притихла, ожидая дальнейших событий. Подойдя к ним, он спросил:

- Кто решала?

Местные запереглядывались, то ли вопроса не поняли, то ли у них не было организованности, что успокоило Сергея и

он обратился ко всем:

- Мужики! В чем проблема? Вас вона сколько, а нас всего шестеро. Что с батогами пришли? Боитесь чё ли? Вроде взрослые, а на пацанов с дрекольем идете. Чё хотите?

Из толпы вышел довольно рослый, с русоволосой копной кудряшек, парень явно старше многих стоящих. Сергей протянул руку и с уважением пожал крепкую руку трудяги. Они вошли в помещение, где суждено было жить студентам и, присев, стали вести беседу. Сергей объяснил, что они сами не знакомы с девушками, так как увидели их сами только сегодня, что из почти тридцать человек, так что выбор есть, а по тому давайте заключать перемирие: все свободны, а выбор девчонок – закон. На том и порешили. За все время пребывания студентов в колхозе больше не было проблем, а дружба крепла. Когда уезжали студенты, их провожал весь колхоз, девчонки плакали, ребята хмурили брови...

Осень в тот год была ранней и холодной, север все же. Поле уборки было огромным, спасибо что была картофелекопалка, а иначе бы все бы полегли бы там костями. Работу организовали таким образом: девушки собирали картофель в мешки, а пацаны грузили их на тракторную тележку, ехали на весовую, а оттуда на разгрузку в овощехранилище. И так целый день - с раннего утра до темноты. Через несколько дней тракторист запил и стал прогуливать, засыпая, где-нибудь под кустиком. Дело не ждет, и Сергей сел за руль старенького МТЗ-5. Бригадир и тракторист быстро все поняли

и разрешили ему оставлять технику у общаги, чтоб утром не бегать по селу.

Дело пошло веселей и прибыльней. За день студенты сбывали «налево» несколько мешков картофеля, иногда по заказу, за что селяне платили им добром: кормили сытными обедами, а то и самогонки бутылочку приложат с закусью. Бывало, вечерами помогали перевезти то сено, то соломы, то еще чего-нибудь, но платы не просили: что дадут, то и хорошо, а не дадут, да и Бог с ними. У стариков принципиально не брали ничего. Знало ли колхозное начальство обо всем этом им было не ведомо, но претензий в свой адрес ребята не получали. Хорошо жили!

Уборку закончили довольно скоро, и пришло время уезжать. Студентов провожало все село. Добрые слова, слезы, а Сергею даже предлагали остаться, обещая разные блага, но ему хотелось домой. Еще один этап жизни был завершен и надо было идти дальше.

По возвращении из колхоза начались будни учебы в училище: теории, практические занятия, изучении матчасти, общественная и комсомольская работа, увлечение фотографией не давали скучать, да и группа попалась интересная. Дружба с крановщицами не прервалась, а еще больше крепла.

В училище каждый понедельник на общей линейке подводили итоги за прошедшую неделю по успеваемости, общественной работе и так далее, и победитель награждался тор-

том. Борьба в основном шла между сварщиками и крановщицами и, наверное, поэтому очень скоро огромный торт справедливо самими ребятами делился победителем с соперниками. До нового года шла теория, а с января, после сдачи зачетов, начиналась практика на производстве.

После колхоза собралась вся группа и ребята стали понемногу сближаться и привыкать друг с другом. Группа была сильная, все были неповторимыми и очень интересными. Быстро подружившись, они много свободного времени проводили вместе, и им не было скучно, разносторонние интересы каждого дополняли общие, и им было комфортно учиться.

Была в их группе девушка, на которую невозможно было не обратить внимания не только потому что она была стройной, стильной, тихой, а и по тому что она держалась несколько в стороне от всех, редко участвовала в общих забавах и делах. Группа с пониманием и сочувствием относилась к ее проблеме, стараясь не давать ей совсем замкнуться. Дело было в том, что при всех ее достоинствах было в ней нечто, что не давало ей полностью войти в круг общения – большой нос. Из-за этой проблемы она не участвовала в наших мероприятиях, стараясь остаться в тени.

Сергей не помнил, когда возник этот провокационный разговор с друзьями, которые начали утверждать, что она не способна из-за своей причины полюбить кого-либо. Он попал в их ловушку заявив, что любовь далека от внешних осо-

бенностей и, даже, если хотите, слепа в этом отношении и ценит больше всего внутренний мир, а не фасад. Молодость жестока и безапелляционна и очень скоро разговор перешел в спор. Один из приятелей предложил заключит пари о том, что если Сергей сумеет завоевать ее доверие и ввести ее войти в круг их общения он проставится. Глупый юношеский спор, который впоследствии даст Сергею урок на всю жизнь об ответственности за каждое слово сказанное без любви.

На этом, вроде бы, разговор закончился, но Сергей все чаще стал смотреть в ее сторону, и стал замечать, что она часто одиноко стоит в стороне от всех и редко участвует в разговорах, хотя интерес ко многим вещам отражался в ее глазах, но ее нерешительность вновь заставляла ее замыкаться в себе. И он сам не заметил, что все чаще и чаще стал обращаться к ней по разным случаям. Она, видимо уставшая от одиночества, тоже стала привыкать к общению с ним и между ними стало ощущалось все больше доверия и открытости.

Он забыл о том разговоре с приятелями и не строил никаких иллюзий по поводу своих отношений с ней, она стала вхожа в их компанию и потихоньку стала все чаще улыбаться своей очаровательной улыбкой. Все и его друзья тоже попривыкли к ее присутствию, и, казалось, что тоже позабыли о глупом разговоре. Все да не все. Нашелся один «дружок», который в самый Новый год, в самый разгар праздника, сделав вид, что не видит ее, громко смеясь, развел руки и прокричал:

- Ты выиграл, брат! Охмурил, охмурил ты ее!

Она стояла за его спиной и своими огромными потемневшими глазами смотрела на Сергея. Он тоже как будто окаменел, онемел и тоже смотрел на нее. Сколько это длилось? Мгновенье? Вечность? Ни ведает никто.

Подлец сделал вид, что не видит ее и мерзко улыбаясь прошел мимо Сергея. Она как-то потухла, сжалась, как прогоревшая свеча и медленно повернувшись ушла. Сергей не пошел за ней, не смог. Ведь, по сути, этот негодяй был прав: Сергей не заслуживал иного отношения. Без этого суда он никогда не понял бы, что его глупая шутка, не омытая слезами покаяния, не исчезнет бесследно. И время от времени, всю жизнь, будет напоминать о совершенной им подлости.

В январе Сергей с ребятами из группы вышел на производственную практику и стал писать дипломную работу. Он попал в хорошую бригаду. Девушка была в соседней бригаде и их дорожки часто пересекались, но на все его попытки заговорить, она не реагировала. При виде его она начинала заигрывать с пацанами, что было глупо и смешно, но примирения так и не наступило.

В апреле начался призыв в армию, получил повестку на 8 мая и Сергей. Ему и еще одному сокурснику разрешили досрочно защитить дипломные проекты в кабинете директора училища, там же вручили аттестаты, положенные деньги и новенькие рюкзаки. Выслушали пожелания педагогов, Серега с приятелем отправились по магазинам затариваться на

провода и приговорив бутылочку вина, пожелав друг другу удачи, разошлись восвояси.

В один день с Сергеем призывались еще 15 ребят, а провожающих было около трех сотен. Погода стояла прохладная, но это никого не смущало: народ провожал своих солдат по традиции весело и шумно. Ребят выпустили на прощальный аккорд, толпа взревела, принимая в свои объятия любимцев. Полчаса - и до свидания.

Сергей стоял в окружении семьи и друзей. Говорили все и одновременно, время от времени пуская по кругу раненный стакан с простенькой закуской. Он мотал лысой, порезанной при бритье вчера на кухне полупьяными друзьями головой, улыбался всем. Ему, уставшему, хотелось скорее в вагон и вытянуться на полке, и вырубиться. Спать, спать, спать!

Но неожиданно краем глаза на крыльце военкомата он увидел ее. Видимо замерзшая, она взглядом лихорадочно искала кого - то в толпе, прижав руки в знакомых варежках к груди. Ему хотелось крикнуть, привлечь ее внимание, но в воздухе стоял невообразимый шум, а душу медленно заполняла пустота и усталость. Пробыться к ней было так же невозможно. В какой - то момент ему показалось, что их взгляды встретились, но в следующее мгновение она смотрела в другом направлении.

Вскоре отворились военкоматские двери. Сухопарый военный прокричал в мегафон о сборе призывников и размещении их в автобусе, стоявшего тут же. Как ни странно, но

призывники довольно быстро сели в автобус, видимо тоже устали от суеты. Провожающие, то ли ради смеха или иной причины, подержали автобус на весу и напрасно водитель сигналил, требуя дать возможность уехать. Пока транспорт висел разбилось боковое стекло автобуса куда успели подсадить двух или трех девчушек. Наконец транспорт отпустили, и он медленно начал двигаться вперед, пытаясь вырваться из лап пьяной и орущей толпы, что ему вскоре все же удалось. В автобусе все молчали и только вой двигателя разрывал тишину наступающей ночи. Призывников привезли на следующую от города остановку электричку, чтоб избежать проблем с отправкой электрички. Было тихо. Никто, практически, не разговаривал, не тот момент. Ждали. Кто на сколько уезжает никто не ведал, потому раздумья не располагали к беседам. Вскоре прибыл состав и для призывников оказался выделен целый вагон. Для шестнадцати призывников, сопровождающего офицера и трех случайных попутчиц это было шикарно. Но вскоре после отправки состава, с двух сторон вагона послышался шум, становившейся все громче. Через полчаса в вагоне уже было тесно от шумной молодежи, которая не оставила своих друзей и отправилась их провожать до сборного пункта, а до него была дорога длиною в ночь.

Сергей сидел в общей толпе. Сон прошел, и он предался настроению общего веселья, хотя мысли об однокурснице еще долго не оставляли его. Больше он ее никогда не видел,

но помнит о ней всегда, вернее о своем поступке по отношению к ней.

Наука прощать.

Прошло несколько лет. В самом конце ранней и теплой весны, Сергей вернулся в родное село после службы в армии. Служба досталась не простая и ему пришлось узнать и пережить многое, о чем он раньше и не задумывался. Переосмысливая свою короткую и, вполне, беззаботную жизнь, он начал смотреть на себя и окружающий мир совсем по-другому, чем раньше, когда все в этой жизни казалось легко и просто. Он с удивлением и грустью осознал, что мир детства закончился.

В те годы, как-то принято было (во всяком случае в их краях): после службы в армии через год – другой, а порой и раньше – обязательно обзавестись семьей. Армия была некой границей между детством и взрослой, самостоятельной жизнью. Особенно остро это чувствовалось в сельской местности, может от того, что парни, отслужив в армии, старались остаться в городах или уехать на «стройки социализма», имея на руках паспорта. Совсем недавно сельчане получили паспорт на руки, а до той поры были не свободны определять свою судьбу – куда без документа? Но не всем хотелось покидать родные места, оставались и в селах, благо работы, как всегда, было много.

Сергей не был исключением. Полученная до службы в армии профессия электросварщика, нужную в любой отрасли, оказалась неплохим подспорьем. Устроившись на работу, он был полон надежд и радужных мечтаний. Родители были рады его возвращению, особенно мама, привязанная к нему, как главному своему помощнику. С детства жалея ее, стал первым помощником в домашних делах: научился неплохо готовить обеды, стирать, белить и красить, что не раз сослужило ему добрую помощь в жизни. Он был мастер и по хозяйству, как говорится, на все руки, весь в отца. Особенно ему нравилось работать с деревом, и отец частенько брал его на подмогу при строительстве домов, бань, которых они срубили не одну.

Сергей с детства был стеснительным парнем, особенно с девочками. Дружил, конечно, но дальше дружбы обычно дело не шло. Он был хорошим другом, и пацанам, и девочкам. Ему все доверяли свои тайны. Не боясь, что это станет достоянием общества. Ему порой это льстило, порой корбило (у него тоже есть чувства!), но сам он душу мало кому открывал. Шли годы, выросли друзья-подружки и мало кто уже делился с ним своими секретами. Впрочем, он от этого не страдал.

Первое серьезное испытание Сергею пришлось пережить во время службы в армии. Он считал, что ему здорово повезло с приобретенным жизненным опытом, с друзьями, хотя немного не повезло со здоровьем, которое было подорвано.

Госпиталя, перенесенная операция все осталось позади, он потихоньку возвращался к нормальной жизни. Вернувшись домой, он было немного загрустил, но к концу лета почувствовал себя достаточно сносно. Он стал чаще появляться на людях, встречаться с друзьями.

Лето было чудесное, ласковое, теплое, даже дожди, довольно частые в то лето, не в пример теплым дождям детства, прохладные, не портили настроения. Жизнь стала налаживаться: работа, друзья, мир вокруг все воспринималось как будто заново, как после долгого и тяжелого сна.

Директор местного сельского клуба, зная его таланты и склонности к творчеству, предложил ему должность художественного руководителя, и он с увлечением взялся за новое для него дело. Думается, что здесь не обошлось, конечно, без просьбы его отца, приятеля заведующего клубом.

Взявшись за интересную для него работу, Сергей, прежде всего, приступил к реанимации вокально-инструментальной группы, которая некогда пользовалось большим успехом у местных меломанов. Друзья поддерживали его и скоро танцы под «пластинки» заменили «живые» звуки ионики, гитары и ударника. Эстрадой служило крыльцо срубленного еще в годы освоения целины клуба, куда после вечернего сеанса, выносили инструменты и начиналась действо, которое длилось, как говорится, до зари.

Сам клуб, срубленный из бревен, был довольно просторным, на сколько это было возможно, зданием.

Кинозал был довольно вместительным и имел кроме кинобудки, небольшой балкончик, любимое место влюбленных, за которыми стрекотали киноаппараты, заглушая их шепот. Экран, за которым была сцена и помещения для хранения музыкальных инструментов, костюмерная, закрывали тяжелые бархатные, темно вишневого цвета, занавеси. Экран находился в передней части сцены, что позволяло пробравшимся «в тихую» на вечерний сеанс мальчишкам, смотреть кино, сидя или лежа на сцене у рисованного задника.

Фойе, в котором проходили праздники, а зимой и танцы, был также довольно просторным, заканчивавшийся небольшой комнатками библиотеки с читальным залом, где на столе лежали подшивки различных газет.

Сергею и его друзьям нравилось эти занятия, они все больше сыгрывались, что доставляло им самим огромное удовлетворение, а народ, не только молодежь, но более старшие односельчане, стали приходить на танцы, где звучали и мелодии их юности. Сергей, выросший на песнях родителей и сам любивший мелодии тех лет, всегда включал их в свой репертуар.

Особенно весело было в дни свадеб и праздников, когда танцы продолжались до утра. Друзья - оркестранты успевали «набраться» и тихо исчезали, а Сергею с девушкой Валею, игравшей на ионике, приходилось «отдуваться» за всех, но это их не напрягало.

Лето того года для Сергея действительно было возвраще-

нием к жизни.

Он чувствовал, что в нем и вокруг открывался какой-то новый мир, доселе ему не знакомый. Было все интересно: работа, люди, которые открывались ему с неведомой до сих пор стороны.

Появилось солнце! Мир стал ярким и цветным. Он радовался этим преобразованиям в себе. Пытался понять причину и скоро понял и всеми фибрами души ощутил - детство прошло и окружающий мир стал восприниматься совсем по-другому. Себя он так же чувствовал иначе: свободным, самостоятельным, ответственным. Ни с кем об этих своих чувствах не говорил, хранил их в себе, давая, как бы, созреть до конца.

Это было время становления. Он стал более терпеливее и нежнее относится к родителям, старался быть проще и доброжелательнее в отношениях с друзьями и окружающими. Иногда ему казалось, что его мир хрупок и иллюзорен и более огромный окружающий мир, не всегда доброжелательный, поглотит все его иллюзии и выплюнет, превратив в серую пережёванную массу. Все эти мысли всплывали в его голове, но ему удавалось довольно легко от них избавляться.

Покой и тишина, охватывавшие его душу, должны были оградить её от мира проблем, скорее напугали, поставив перед выбором своего будущего. Именно в это время ему предстояло окончательно сделать выбор и не в мысленной борьбе, а в реальности, где он должен был доказать осознанность

своего выбора. Обижаться будет не на кого, кроме как на себя.

Испытание любви.

В конце лета, неожиданно, мама завела разговор о том, что не пора ли ему определяться с дальнейшей жизнью. Она вполне серьезно начала говорить о том, что пора бы уже определяться с женитьбой. Разговор удивил Сергея и он, шутя, задал резонный вопрос о том, кого она видит своей невесткой?

Хотя, конечно, мысли о женитьбе мелькали иногда в его голове, но не имея ни каких видов, он в серьез изменить свою жизнь, не думал. Конечно, мелькали разные мысли, но он относил их, скорее всего, как к фантазиям скучающего сердца. Да и времени особо не было, чтоб тратить его на разные глупости, тем более, девушка Аля, которая ему нравилась, «отшила» его ухаживания еще в школьные годы, повторить попытку он не решался, тем более, ее рядом не было, училась где-то далеко.

Сергей сказал об этом матери, с интересом ожидая ее ответа. Она посмотрела на него, как смотрела в детстве, улыбнулась:

- Сын, столько лет прошло, а ты все о ней думаешь? Так, давай, поговори с ней. Аля здесь на каникулах.
- Мам! Как-то не серьезно. Поговори! А любовь?
- Эх, сынок! Стерпится, слюбится! Любовь надо выра-

тить.

Разговор закончился как-то неожиданно, как и начался, но семена были брошены. Все чаще его одолевали мысли о реализации этой, как ему казалось, сумасбродной идеи, которую он старался изгнать, но...

Однажды, придя на работу, заметил у совхозной конторки новые лица: молодые ребята, трое из которых были девушками, красавицами и сразу видно городскими, прошли в кабинет директора совхоза. Вечером к нему прибежал взволнованный друг детства, по совместительству барабанщик группы Вовка и сообщил новость о том, что приехали студенты практиканты и разместились в местном доме колхозника. Вечером гостиница была осаждена, но взять ее с ходу им не удалось. Особенно старался Вовка, но бастион был непреступен! Они уже собирались уходить не солоно хлебавши, когда дверь отворилась и к ним на крыльцо вышел паренек. Поздоровались. Познакомились. Объяснились. Контакт был установлен!

Сергею понравилась скромная и тихая – Людмила. Как не удивительно, но и она почему-то потянулась к нему. Это его немного смущало, но вскоре он все понял и вздохнул спокойно.

Однажды, после обычных приветствий, она неожиданно попросила помощь ей: создать для всех видимость серьезных отношений между ними, чтоб все видели это. Видя его круглые от удивления глаза, она объяснила, что собирается

замуж, а здесь столько молодых людей и она боится приставаний, а в нем она видит нормального парня и достаточно авторитетного и поэтому она будет как бы под его покровительством. Растерянный и обескураженный таким откровением, он довольно долго переваривал услышанное, но, все же, польщенный, отказать ей не смог. Да и местные пусть позавидуют!

Сергей особо не расстроился, человеком она оказалась интересным, с хорошим кругозором и увлечениями, в их глуши это был подарок. Он даже познакомил ее со своими родителями, не объясняя причин. Мама его была очень рассержена, но он ее успокоил, потихоньку все объяснив.

В конце августа она уехала. Он ходил грустный и даже скукал по ней, как будто потерял хорошего друга, с которым ему всегда было интересно откровенно полемизировать в вопросах любви и дружбы.

После ее отъезда Сергей с головой ушел в работу, но мама явно не оставила свой замысел и все чаще и чаще заводила разговор о его будущем, о «хороших девушках», в числе которых все чаще называла Алю. Он ничего против нее не имел, так как она была не совсем ему безразлична. Он, как ему казалось, хорошо ее знал, ведь все школьные годы они сидели за одной партой.

К этому времени она училась в педучилище где-то на стороне и на следующий год заканчивала его. Мама взялась за него всерьез: целыми днями только и разговоров о ней, ее

родственников «уважаемых людях» и так без конца.

Август угасал. Ночи становились холоднее, утренняя холодная, густая роса холодила ступни ног, в речушках наоборот, вода казалась теплой. Его мама с возрастом стала не всегда успевать подоить коров к выгону деревенского стада и потому будила его, так как он спал на веранде, чтоб догнал стадо. Он бежал, подгоняя коров за стадом, которое успевало перейти речку вброд, кладбище на склоне горушки и уходило на другую сторону горы испещренную тремя огромными лощинами. Эти лощины были заполнены утренним туманом из которых, как будто выпрыгивают дельфины из бездны морской, как в замедленном кино, выплывают буренки и вновь исчезают в глубинах тумана. И он тоже нырял в это море тумана, испытывая невообразимый восторг. Это зачаровывало и восхищало так, что ему хотелось кричать и взлететь...

Догнав стадо, не спеша возвращался домой, пытаясь как можно дольше сохранить эти чувства блаженства. Не доходя до сельского кладбища, садился чуть выше нее на склоне горушки, смотрел на родное село и здоровался с каждым домом. Зная каждого односельчанина, живо представлял их лица, которые знал с детства.

Мама Сергея оказалась настойчивее, чем он ожидал и ему пришлось согласиться с ней, что откладывать больше нельзя: Аля уедет, осталось совсем недолго до сентября. На неделе, после какого-то фильма, Сергей решился и пошел ее прово-

жать. Она была не против. Весело болтая о том - о сем, дошли до дома ее родителей и наконец, решившись, в тайне, глубоко в душе сомневаясь в правильности своих действий и не сомневаясь, что получит отказ, Сергей сделал Але предложение выйти за него замуж. Ему, как ни странно, стало легче: он это сделал и пути назад нет. Мужчина должен отвечать за свои слова, и не разбрасываться ими - так говорил и учил его отец.

К его удивлению, Аля приняла его предложение и они какое-то время молчали и улыбаясь смотрели друг на друга, привыкая к чему-то новому в их отношениях.

Затянувшееся молчание нужно было прерывать, и он взял ее ладони в свои, они были ледяными:

- Что делают в этих случаях? – задал он ей вопрос, глупее которого в этот момент нельзя было и придумать. Насмевшись от души, они договорились встретиться в пятницу в клубе и поделиться впечатлениями родителей от услышанной новости. Он так и не решился ее поцеловать, хотя ему очень хотелось ее обнять и прижать к себе. Грустно, конечно, но он не жалел ни о чем!

Они еще довольно долго не могли расстаться и вновь и вновь обсуждали свои дела, гуляя под огромной луной, нависавшей над ними. Он старался прислушаться к своим чувствам – там было тихо и покойно.

- Все решено, что случилось, то случилось, надо жить дальше и готовится к этой новой для нас жизни, - думал он.

Они расстались рано утром.

Все оставшиеся дни Сергей никуда не выходил, пытаясь осознать происшедшее. Ему было то радостно, то тревожно и он, вспоминая свое состояние в вечер объяснения, удивлялся тому, почему тогда он был так спокоен?

Родители, которым он все рассказал в первый же день, видимо, начали готовиться к сватовским делам: готовить подарки, резать барана, звать гостей. Суета! Он просил их не суетится особо, сделать все по скромнее. Они отмахивались, продолжая готовиться «к величайшему событию».

В четверг мама обратилась ко нему с вопросом о том, что не будет ли им от ворот поворот? И приказала ему идти и поговорить с невесткой. На его уверения, что все в порядке, она не реагировала и настояла на том, чтоб он все же немедленно бежал и все узнал. Сергей, в принципе, с ней был согласен и отправился на свидание со своей невестой, будучи совершенно спокойным и уверенным, что все в порядке.

Встреча была теплой и трогательной, но ее слова о том, что если бы он сегодня не пришел, то завтра она бы дала отказ, Сергей не принял всерьез и почти сразу забыл о них. Много лет спустя, вспоминая тот вечер, он осознал, что слишком был увлечен собой, скорее самоуверен и не обращал внимания на переживания других, меряя все по своим меркам, не думая, что это может совсем не нравиться другим. Но тогда, как оказывается, он был поглощен больше своими переживаниями и настроениями. И на многое просто не об-

ратил внимания, а зря.

Сватовство прошло весело. Три дня гуляла вся родня, ну, если не вся, то, по крайней мере, большая ее часть. Через несколько дней Але надо было уезжать на учебу. Было грустно, но Сергей старался бодриться. Ни о чем плохом не думал и торопил только время, чтоб разлука прошла как можно быстрее.

Они расстались. Как им казалось ненадолго.

Через месяц ее отец и дядя предложили съездить к ней. С радостью согласившись, Сергей быстро собрался, и они выехали. Будучи там, он почувствовал некое отчуждение и холодность в ее поведении, но приписав все к разлуке, не стал обращать на это внимание. Лишь много позже, вспоминая эти дни, он ругал себя за то, что был глуп и слеп. Будь он тогда повнимательней, наверное, все было бы по-другому.

В начале ноября получил повестку на призыв в армию младший брат Сергия. Деревенские проводы призывников в армию - особая традиция, связанная со многими проблемами и подготовкой, требовала от семьи больших усилий и затрат, но решали их всегда безукоризненно.

По этому случаю, и, как он думал, ради него, приехала и Аля. Сергей был рад ее приезду и витал в мечтах.

Так получилось, что ноябрьские праздники собрали в селе много одноклассников, и было решено встретиться. В один из дней, в аккурат перед проводами братишки, собрались одноклассники Сергея и Али у классной руководительницы.

Было весело. К празднику было и возвращение из армии одного из одноклассников, но Сергей тогда не думал о том, что этот факт будет иметь к его и ее жизни самое прямое отношение.

Сергей сразу заметил, что начинается какая-то не понятная пока ему ситуация. Наблюдая по-тихому за ней, он заметил, что она чаще и веселее общается и танцует с демобилизованным одноклассником. Вроде, ничего удивительного, но было в этом какое-то странное тревожное чувство. Ему было неприятно и больно, но они были так увлечены и ни чего и никого не замечали.

В тот вечер он напился до безобразия и не заметил, как Аля и одноклассник исчезли с гулянки. Когда он осознал, что ее на вечере нет, а ее подруга сказала, что она ушла домой, туда отправился и он, ругая себя и немного обидевшись на нее.

Но в доме его родителей ее не оказалось, и он отправился к ее родителям, надеясь найти ее там.

«Обиделась! И немудрено, напился как свинья!» - ругал он себя... Но ее не было и у родителей. Ему стало все неприятно, но только гнева и злости в нем не было, одно безразличие и пустота. С этим чувством он шел по улице.

Падали огромные пушистые снежинки. Редкие фонари своим светом создавали сказочную картину. Их поскрипывание на легком ночном ветру, давали ощущение какой-то безысходности.

Думая о том, что произошло, он никак не мог сообразить, что же произошло? Да, напился, но и она молодец! Ушла, бросила! Он боялся разборки и стыдился самого себя. Он ругал себя последними словами, искал выход из созданной им ситуации. В голове все же теплилась слабенькая, еле дышащая надежда, что все образуется, только надо немного потерпеть. Все наладится! Время многое лечит! Но в голове стучал набат, отгоняющий любые мысли кроме одной: «Где она? Что случилось?».

Он шел и шел, не ведая – куда? Было все равно. На душе было мерзко и пусто.

Неожиданно он увидел ее!

Она вышла из-за поворота и медленно брела навстречу ему. Остановившись, он ждал, когда она подойдет. В душе у него вдруг запели ангелы, ему стало легко. Они посмотрели в глаза друг другу и надежда вкралась в его сердце.

Молча повернувшись, пошли в сторону дома ее родителей.

Ночью ему было плохо и стыдно, почему-то не перед ней, а перед ее родителями.

На следующий день было много суеты с подготовкой и организацией проводов младшего брата. У них не было времени даже перемолвиться словом, но, когда гуляние дошло до момента самообслуживания, она предложила прогуляться и поговорить.

Сергею очень не хотелось приступать к этому разговору,

надеясь, что она передумает, но она была настроена решительно и ничего не оставалось, как согласиться. Хотя он знал о чем будет разговор, и морально был готов к нему, но все же было не совсем приятно быть его участником.

Выйдя во двор, они остановились у калитки.

Снег падал большими хлопьями, и, так как шел второй день без остановки, намел огромные сугробы. Молча смотрели они на эту сказочную красоту. Неожиданно он ощутил в душе блаженный покой. Его сердце чему-то возрадовалось и тоска, ощущаемая до того склизкой, холодной и противной массой окутывавшей его сердце, как бы отлетела и он ее увидел физически, стоящей не далеко от них. Ему стало страшно и, одновременно, легко. Сознание прояснилось и он взглянул на нее.

Она нервно теребила край платка, кривя и покусывая губы, видимо, ей было трудно, а может быть и страшно, начать разговор, как они оба понимали, трудный для обоих. Ему было жаль ее. При любом раскладе, если он не возьмет вину разлада на себя, ей будет худо. Общественное мнение будет на его стороне, а ей изменнице, сбежавшей, практически, из под венца, придется претерпеть много неприятностей.

Наконец, она решилась и начала:

- Нам надо расстаться... Я не хочу... Я никогда не переживала такого унижения... Ты вчера целовался на глазах своей жены с другими девушками!

— Это же была игра, Аля! Безобразная, но безобидная...

- Ну и что, - резко прервала она - Все равно... ты напился, как свинья, стыдно перед родителями.

- Что ты за них переживаешь. Они все поймут и простят. Переживут. Дело житейское, с кем не бывает? Я сам себя ненавижу за это свинство.

- Потом..., - она помолчала, видимо собираясь с духом, чтоб приступить к главному, брякнула – Ты же говорил, что собираешься поехать к своей сибирячке... Ты танцевал со всеми, а со мной нет.

Он едва сдержался, чтоб не крикнуть, что ему было делать, если и она много времени уделяла вернувшемуся из армии однокласснику, но, сдерживая разгорающийся гнев, пытаясь успокоится, и, сдерживая внезапно охватившую его непонятную дрожь, Сергей промолвил:

- Аля! - он нервно сглотнул образовавшийся в горле, шершавый комок – Аля! Давай без прелюдий. Без нервов. Я знаю, что ты хочешь сказать, вернее догадываюсь, но предлагаю не спешить. Давай поразмыслим, подумаем, дадим друг другу время, оно у нас еще есть и потом уже примем решение. Всё-таки, не мы одни тут завязаны.

- Я уже все решила! С тобой, с таким как ты животным, жить не буду! Такого унижения, как вчера я не терпела никогда – торопливо и горячо произнесла она, видимо боясь, что сил у нее не хватит и она отступит от своей выстроенного плана разговора, а уступать ей не хотелось.

- Подожди, подожди, - остановил ее Сергей – То, что я

виноват не отрицаю, но и ты, признайся, не белая и пушистая, тем более, вчера твоя подруга многое мне объяснила и я знаю, в чем суть дела. Но почему ты мне ничего не рассказала сама? Ни ты первая, и не последняя девушка, не дождавшаяся своего парня из армии. Почему ты решила все скрыть от меня? Это же нечестно! И давай на чистоту.

- Давай! – произнесла она с вызовом.

Собравшись с духом, преодолевая откуда-то взявшуюся неведомую доселе боль и досаду, почти лишавшую его сил и едва сдерживая горячее желание сделать ей больно, бросить все, уйти, растворится, заснуть и проснувшись понять, что это лишь сон. Но белый чистый снег, охапками падая с высоты и они, запорошенные снегом, были реальностью, в которой они оказались.

- Прости, но в ситуации, в которой мы оказались, я своей вины не вижу. Если бы я знал все в отношении тебя и твоих отношений с ним, поверь, никогда не допустил бы всего, что происходит. Таких житейских историй немало найдется по жизни и нового тут ничего нет. Но мне казалось, что у меня так не будет. Меня никто из девушек не провожал в армию и не обещал ждать. Никто не предавал! Мне не известна цена предательства. Твой друг переживет эту метаморфозу своей жизни. Он же мужик. И поэтому у вас нет будущего. Наверное, первое время вам будет хорошо и покажется, что все налаживается, но не долго: рано или поздно он уйдет...

- Он не такой как ты! Он меня любит! Он не уйдет! - по-

что прокричала она, отвернувшись от него и закрыла лицо ладонями.

Он злорадно усмехнулся, потому что знал, что будет именно так. Ему еще было жаль ее и себя. Надежда еще пыталась втиснуться в его сердце.

- Понимаешь, - продолжил Сергей – Он проживет здесь, отдохнет, тебя рядом нет, на учебе, а он здесь, после службы, хочется чего-то особенного... У вас не будет будущего. Может не будем спешить с выводами? Время есть.

Аля, закусив нижнюю губу, как бы собиралась с духом. Видимо в ее голове шла бурная мыслительная работа. Основной проблемой, конечно, был ни он, ни их отношения, а она сама, ее положение в этой ситуации, как отвести от себя гнев родни, людских кривотолков. Все это имело немало-важное значение в дальнейшей ее судьбе.

Сергею и в правду было ее жаль, запутавшуюся в «трех соснах». И не уважал себя за то, что подспудно, в глубине души, наслаждаясь ее замешательством.

Наконец, она подняла на него свои, полные слез, глазки и промолвила:

- Но ты же правда хотел уехать в Сибирь, работать?

Ему стало ясно окончательно, что ее вопрос-ответ это просьба помочь ей выкрутиться из сложившейся ситуации, где ему места, увы, не было. Ему было не совсем все это приятно. Мелькнула даже мыслишка устроить ей «судный день», но тут же эта грязная идея была с отвращением от-

брошена прочь.

Сергей с наигранным равнодушием, едва удававшимся ему, не глядя на нее, глухо произнес:

- Делай что хочешь. Я мешать не буду. Только давай последствия делить пополам.

Она воспряла духом и стала ему трактовать свою идею, которую, видимо, уже давно облюбовала: его отъезд в Сибирь, но, присовокупленные к ним его вчерашние «грехи», были свежими идеями. Он не стал спорить и сопротивляться, потому что было противно и грязно. Хотя они ни разу не упомянули имя ее друга, он все время стоял между ними.

- Я расскажу все своим родителям, - сказала она, - А ты – своим. Свадьбы нашей на Новый год не будет.

Ему показалось: она облегченно выдохнула.

Смотря на нее, он пытался понять, что движет этой женщиной, еще вчера обнимавшей его и целуя признававшейся в любви? Что произошло? Что помutilо ее разум? На что она надеется?

Ведь завтра об этой новости станут судачить: кто с сожалением, кто со злорадством, кто со смехом! Огромное количество народа: родные, близкие, друзья, живших в ожидании праздника, радующиеся за них, как они воспримут это известие?

Сергей не смог сразу обо всем рассказать родителям, им было и так трудно: провожали сына в армию, а там Афганистан бушует во всю, не смог.

На следующий день поехали в военкомат. Суматоха. Беготня. Бездорожье. Транспорта нет. До вокзала, откуда отправляли призывников, пришлось идти пешком. Не успели, увидели лишь сигнальные огни уходящего поезда, на котором уехала и она, как ему думалось из его жизни, навсегда.

Проходили дни за днями и Сергею показалось, что может все образуется все, успокоится. Только с мамой он поделился своими переживаниями и просил совета: как быть, что делать в таких случаях? Увидев, как она огорчилась, молча тихо заплакала, сердце его сжалось от боли. Он как в детстве, склонив голову на ее плечи, ждал. Через какое-то время, немного успокоившись, она промолвила:

- Что ж, сынок, тут поделаешь? Надо жить дальше. От людей не скроешь шила в мешке... Рано или поздно все станет явью... Главное, ты сын, держи себя в руках, раз взял этот крест на свои плечи... Претерпеть придется много.

Живя в постоянном напряжении, в ожидании «большой войны», он даже духовно ослабел и не раз гнал от себя мысли о том, чтоб отказаться от своих обещаний данных ей. Морально он готовился к событиям, которых им не было возможности избежать.

Вскоре, она прислала письмо, из которого стало ясно, что она готова к действиям. Она сообщила, что написала своим родителям обо всем и вопрошала, поговорил ли он со своими. Хотя Сергей поговорил только с мамой, но был уверен и чувствовал, что отец и близкие были в курсе, но никаких

вопросов они не задавали, но чувствовал, что грусть и тревожное ожидание поселились в их доме.

Не прошло и суток, как пришло письмо, ее родственники пригласили Сергея и его родителей к себе. Понимая, в чем дело, родные не стали отказываться от встречи, надеясь, видимо, еще уладить дело миром.

В доме родителей Али, где собрались ее близкие, царило уныние и ему даже было жаль их, но менять что-либо в ходе событий ему не хотелось. Будь что будет!

Вначале разговор не шел, видимо, все чего-то ждали, скорее всего, его объяснений. Но Сергей молчал, делая вид, что не в курсе: чего от него хотят?

Пока наконец, ее дядя, директор школы, огромный мужик с громовым, хорошо поставленным учительским голосом, достаточно грубовато, не задал вопрос о том, не хочет ли Сергей объясниться? Он сделал вид, что не понял вопроса, чем вызвал шквал гневных и оскорбительных замечаний в свой адрес.

Сергей сидел перед ее родными, как преступник на суде, зажав ладони коленками, прикрыв глаза, чтоб не видеть глаз полных слез и побледневшие лица ее родителей, гневные, презрительные глаза дядей и тетя, молчал.

Ее мама стала разворачивать лист бумаги, он догадался, что это письмо Али. С любопытством выслушав письмо, из которого он узнал много интересного о себе, о их отношениях, что изменить что-либо ему не удастся.

Ее дядя еще пуще прежнего разошелся, что стало уже его напрягать. Родители Сергея и ее родители молчали, видимо, переваривая письмо. Ему надоела тирада дядюшкиных оскорблений и встав, махнул рукой и пошел к выходу, заявив, что это дело их не касается, и пусть они оставят их в покое.

Хотя Сергея покорило, что Аля не сдержала обещания разделить последствия этой авантюры пополам и все свела к тому, что виновен он один, обиды или злости в нем не было. В глубине души он понимал, что по-другому и не могло случиться, ибо в этих делах считалось, что виновен кто-то один. То, что им оказался он, его не удивило.

На душе было пусто и гадко. Наступила какая-то апатия ко всему, безразличие, он даже не слышал своего сердца. Голова была словно безъязыкий колокол: места много, но ни каких звуков, совершенно пустая. Тем не менее он не испытывал ни угрызений совести, ни сострадания ни к себе, ни к ее родичам, тем более к ней.

Он был почти у калитки, когда в одних носках, по снегу, его догнал ее отец и схватив за рукав куртки, остановил его.

Он был очень взволнован, почти плакал и стал быстро и горячо, почему-то шепотом, говорить:

- Сынок! Давай завтра же поедem к ней! Все уладим, я не сомневаюсь!

Сергей, ошарашенный происходящим и тревогой за его здоровья, не нашел ничего лучшего, как согласиться.

А зима набирала силу, снег валил как проливной дождь, засыпая мир с ног до головы, мягким, пушистым серебром. Эта сказочная красота и тишина, войдя в его сердце и сознание, помогли Сергею увидеть это чудо и отчетливо осознать, что это не конец мира, впереди целая жизнь, вечность, только не надо себя отрывать от них и замыкаться в подвалах своего горделивого одиночества.

Придя домой, он свалился на диван и вскоре, видимо от переживаний и усталости, задремал. Вернулись родители. Он вопросов не задавал, ждал разговора, готовился к объяснениям, по крайней мере, к обсуждению сложившейся ситуации. Но родители хранили молчание, было видно, что они переживают и, возможно, переваривают прошедшие события. Сергей особо переживал за отца, но он был спокоен и, подойдя к нему, потрепал по плечу, промолвил:

- Да, брат!

На этом разговоры были окончены, и они его больше не касались, во всяком случае, долго.

На следующий день, морозным декабрьским утром, Сергей отправился на работу в центр села, где стоял, не далеко от совхозной канторы, клуб.

Честно говоря, Сергей не надеялся, да и не хотел, чтоб поездка состоялась. Так оно и вышло. Подойдя к конторе, он не нашел ее отца. Подождав, для порядка, еще пару минут, он с чистой совестью отправился на службу.

Жизнь продолжалась, дела шли своим чередом. Приближались новогодние вечера, закрутилось, завертелось, репетиции, подготовка зала, установка елки и прочие дела отвлекли его от личных переживаний.

Но «войны семейных кланов» избежать все же не удалось. Виновником был, естественно, Сергей, поэтому основные удары приходилось принимать ему. Даже его родителям приходилось выслушивать нападки ее родни. Особенно досаждали родственники, работавшие в магазинах, устраивая ему обструкции: не обслуживали. Приходилось просить друзей, родных, чтоб они покупали ему разную мелочь.

Новогодние праздники прошли как-то тихо и не заметно для него, каких-то особых событий не случилось. Скорее всего, все было, как всегда, но для него все было по иному, ни как прежде.

На новогодние каникулы приехала и Аля, но почти не выходила из дома.

Сергею хотелось с ней переговорить, чтоб она как-то повлияла на ситуацию, не переигрывала, доведя дело до абсурда. Но сделать это никак не удавалось: везде и всюду она была в сопровождении родственников. Перед приездом она в письмах сообщала о своих страхах, что Сергей может станет ей угрожать. Обеспокоенные родственники стали оберегая ее, всюду сопровождать, не давая приблизиться к ней.

Прошла неделя каникул, стихли новогодние кутежи, народ занялся делом: возили и кололи дрова, особенно кряжи,

хорошо коловшиеся, когда промерзали насквозь, складывали поленницы разных видов. Снега, как всегда, навалило с избытком, приходилось рыть целые траншеи от крыльца до сарая и ворот. Для детворы утех, а хозяину работа.

Но однажды, когда бдительность родных ослабла и ее из клуба сопровождали только сестренка с мужем, да и они, ослабив внимание, отошли в сторону, Сергей увел ее в парк, расположенный за клубом, для разговора. Она, испугавшись в начале, вскоре успокоилась и стала его слушать. Он пытался убедить ее, что ситуация зашла слишком далеко и обретает совершенно не нужное направление. Она слушала молча и было не понятно, реагирует ли она на его доводы. Много позже Сергей понял, что она больше боялась не его, а гнева своих родичей, которых боялась не меньше, а может быть и больше, чем его.

Тем временем сестра с мужем, обнаружив пропажу, бросились к родителям и вскоре округа огласилось истошными женскими криками, суетливыми, кидающимися во все темные закоулки фигурами.

— Вот, тебе и результат - промолвил он, кивая на происходящее. Родственники все дальше уходили от парка и они, выйдя из него, пошли по улице.

На перекрестке, они расстались.

Сергей шел по улице и ему было грустно: все как-то нелепо! Не об этом мечталось, не так хотелось! Конечно, каждый человек творец свой судьбы, но без внимания, помощи

и любви другого человека, невозможно достичь всей полноты бытия.

Навстречу ему шли двое, в которых он узнал ее сестренку с мужем. Еще не добежав к Сергею, сестра завопила:

- Где она? Куда ты ее дел?».

Его подмывало ляпнуть:

- Где, где? Знамо дело в колодце! Чик по горлу и делу конец!

Но он, выдержав паузу, холодно спросил:

- Вы о ком?

- Где Аля! – вновь заорала сестра.

- Что ты вопишь? Откуда я знаю! Чаи гоняет, наверно, дома. - ответил Сергей, усмехнувшись и продолжил свой путь. Они же бросились к дому родителей. Ему стало почему-то весело, и он от души рассмеялся.

История «любви» на этом, увы, не закончилась.

Сергею, волею судеб придется пережить еще одни «грабл», оказавшиеся на его пути.

Не будем подробно описывать события, которые произошли впоследствии. Скажем только, что ее друг вскоре, почти сразу после этих событий, женился на другой. Родственники Али, разобравшись в перипетиях событий последних месяцев, стали виниться перед Сергеем и ругать опозорившую их родственницу. У него даже появился карт-бланш в магазине, где работала особо непримиримая тетка Али, которая

давала спиртное в кредит, ругая при этом опозорившую их племянницу. Чем он, впрочем, не применил с друзьями воспользоваться.

Сергей не видел Алю, наверное, около двух лет. Боль утихла. Он вспоминал о ней, но все реже и без обид.

Другие дела, заботы и планы студента педагогического училища, увлекли с головой. Ему было интересно учиться, встречать новых людей. Его любили за открытость, беззлобие, верность и он отвечал тем же. Но, тем не менее, не особо раскрывал перед людьми свою душу.

Время летело так быстро, что он даже не заметил, как прошли годы учебы. Оставалось учиться полгода и ему казалось, что судьба его определена и перед ним весь мир.

Он с жаром занимался своим увлечением, прошел творческий отбор в столичный вуз кинематографии. Много снимал, проявлял, режиссировал отснятый материал и выпускал документальные фильмы. Это было прекрасное время!

Он все реже приезжал в родное село к родителям, хотя любил эти дни, когда он возвращался в знакомые с детства края, красивее которых не было в мире, в любое время года.

В один из таких приездов и состоялась его встреча после долгой разлуки с Алей на встрече одноклассников. Хотя неожиданная встреча немного смутила, тем не менее он остался совершенно спокоен и все, что было когда-то между ними, не мешало им общаться на равных.

Как получилось так, что провожать Алю выпало ему, он

не понял, хотя и мысли такой у него не возникало, да и другие претенденты были. Проводил. Поговорили о том, о сем, короче, ничего интересного. Расстались.

Как-то незаметно эти встречи случались все чаще, то просто на улице, то в кино, то в магазине... Так незаметно он привык к ним и эти встречи его уже не раздражали и не напрягали. Она работала в местном детском саду, и он незаметно для себя стал ездить в деревню каждое воскресенье.

Тревоги и сомнения, возникавшие в те дни, постепенно улеглись и он вновь поверил судьбе. Даже в те короткие дни разлук он с нетерпением ждал ее писем, коротких, но полных любви и тепла. Эти письма, дополнявшие их беседы, хотя и вызывали в нем некое чувство ее неуверенности, но он гнал их от себя. Аля писала то, что не всегда могла озвучить при встречах и Сергей понимал ее, не сердился.

Да и как было сердиться на эти слова: «Не понимаю, что с тобой происходит? Почему я тебя так долго не вижу? Я хочу тебе сказать кое-что, собираюсь вот уже более недели, но тебя нет».

...«Вот дала слово, что не пойду на этой неделе в кино, может ты из-за меня не ходишь, чтоб меня не видеть. Не знаю только, вытерплю ли в субботу (люблю я этот день, потому что увижу тебя!)»...

...«Не могу верить, что ты только время со мной хочешь провести. Не верю!

Потому что... люблю, люблю, люблю тебя, идиота такого.

И ничего не могу поделать с собой, да и не хочу!

Мне хорошо, когда я думаю об этом. Но только сердце начинает болеть, когда вспоминаю, что ты исчезаешь куда-то.

И еще: я очень ревнивая. Очень!

Знаешь, я, наверное, в самом деле уеду отсюда. Куда? Сама не знаю. Замуж надо выйти, чтоб можно было уехать, но... есть но. И это не проблема, только без любви не хочется замуж».

Мама не могла нарадоваться: сынок стал часто ездить! Но от молвы не утаишься и в очередной его приезд она спросила:

- И что наездил?

Он все ей рассказал, сказал и о том, что не знает, что делать? Как поступить? Мама даже будто обрадовалась, может ему показалось? Она ответила, что все решать ему и ей, им жить.

И он решился откровенно поговорить с Алей. Они говорили не так долго и он, и она были рады, что разговор состоялся и все для них стало ясно. Постепенно начали строить планы на будущее: как только он закончит учебу они уедут куда-нибудь и начнут жизнь с чистого листа.

Весна, в тот год, была ранней, март во всю свою мощь топил снега, солнце пригревало активно, но мороз не отступал и к вечеру под ногами начинали громко хрустеть подмороженные лужи. Они бродили по улицам села и мечтали, меч-

тали, болтая без устали, допоздна, пока холод все ощутимее не проникал под одежду и уже ни что не могло спасти их от того, что скоро они превратятся в снеговиков или сосульки. Они расставались и он, дрожа как кролик, бежал домой и прижимался к теплой печке, блаженствуя от входящего в него тепла и вскоре засыпал сном праведника.

Сергей забросил все свой общественные дела, съемки, подготовку к поступлению в институт, жил только ожиданием выходных, чтоб улизнуть в деревню. Ему это удавалось, так как он ссылался на недомогания. Болезнь язвы желудка, привезенная вкупе с другими со службы, стала тревожила его все чаще. Два раза в год: весной и осенью, отлеживал в больнице и это стало почти привычкой. Так и в этот раз его жалоба на недомогание ни у кого не вызвало подозрения.

В международный женский день в тот год они встречали с друзьями в селе, уже ни от кого не скрываясь. Друзья одноклассники отнеслись к этому событию спокойно, как само собою разумеющемуся факту. Было как всегда весело, соскучившиеся друг по другу все радовались возможности пообщаться, узнать новости, порадоваться ранней весне.

После праздника она пригласила его к родителям, которых не оказалось дома. Было это случайностью или заранее продуманным планом, он не задумывался. Главное они вместе и им хорошо, а впереди целая жизнь!

Весенняя ночь, освященная молодой луной и мириадами мерцающих звезд, слушали их жаркое дыхание. Ее теплые

мягкие губы, податливое тело, жаркий шепот, уносили его все дальше и дальше от земли...

Рано утром они лежали лицом к лицу и наслаждались не ведомым чувством, которое, наверное, и было счастьем, о котором пишут поэты.

Это была их последняя встреча...

После этого вечера они не виделись почти пятнадцать лет.

А пока они, а тем более он, ничего об этом еще не знали.

Приехав на учебу, через пару дней Сергей угодил в больницу с сильным желудочным кровотечением. Хирург мурыжил его дня три, после чего сказал, чтоб он готовился к операции. Много чего передумал Сергей за эти дни, и ему очень хотелось избавиться от этих болей раз и навсегда. Ей он не стал писать, чтоб не напугать ее и надеясь, что все свершится быстро и он все расскажет ей после, глядя в ее серые глаза.

Хирург все объяснил: процесс, последствия, которые были, по его мнению, достаточно благоприятными и Сергей дал согласие на операцию. Очень хотелось пожить! Назначили день операции. Началась подготовка.

Городская больница находилась в центре города. Трехэтажное главное здание больницы стояла в окружении тополей, выросшими до крыши. Асфальтовые дорожки, скамейки, подрезанные кустарники создавали не повторимый уют провинциальных дворов. Ходячие больные бегали тайком до желтой бочки с надписью «Пиво», благо она стояла почти у ворот и ныряли под кусты. Хорошо! Только смотри, чтоб

главврач не застукал, а то хана больничному, напишут нарушение режима и лишат нарушителя на работе премии.

Операцию назначили на утро. Душ, клизмы, бритье, каталка – все по серьезному. Холодную железную каталку, покрытую, всего лишь, простынею, потащили в предоперационную, которая была мала и едва помещала две каталки рядом.

В голове у Сергея сплошное месиво мыслей, его начинает бить мелкая дрожь, то ли от холода, то ли от страха, не поймешь. Ожидание в предоперационной почему-то затягивалось.

Наконец распахнулась дверь, но не в операционную, а входная. Закатывают и ставят рядом с Сергеем каталку, на котором лежит юноша. Глаза закрыты, но дыхание есть, живой значит. Смотрит Сергей на него и видит, что синие пузыри, перетянутые каким-то шпагатом и лежащие на его животе, ни что иное, как его родные кишки! Сергею от увиденного стало не по себе.

Вошел доктор. Лицо его было озабоченным. Похлопав Сергея по груди, произнес:

- Придется тебе, брат, подождать, - он кивнул на нового соседа, – Сам понимаешь, операционная одна, а ему ждать, особо, некогда.

Сергей мотнул головой, и медсестра покатила его «фаэтон» обратно в палату.

После этой операции доктора не было два дня, видимо,

лечился. Придя, он сразу подошел ко Сергею, поинтересовался: что да как? И задал тревоживший Сергея вопрос: что делаем? За эти дни многое лезло в его голову, но прежней уверенности уже не было, о чем он доктору поведал. Доктор помолчал, думая о чем-то своем, вздохнул-выдохнул и сказал:

- Хорошо! Пока операцию оставим. Попробуем тебя вытащить другим «макаром», но это будет долго.

- Доктор, - почти закричал Сергей – Что угодно! Спасибо!

- Благодарить будешь потом, а пока готовься.

Начались долгие дни различных процедур, уколов.

Весна вовсю бушевала на улице, зеленела трава, распустились зеленые пахучие, клейкие листья тополей, бушевала сирень, черемуха дурманила нежными запахами.

Сергей жил ожиданием предстоящих встреч с Алей.

Она, каким-то образом, узнав о его злоключениях, писала письма полные любви, тревог и надежд.

«Не понимаю, что с тобой происходит? Почему я тебя так долго не вижу? ...Почему-то вдруг сегодня с утра сердце покалывает и думаю, что с тобой что-то случилось. Ты не болен? Да еще слышала, что тебе хотят какую-то операцию сделать. Правда? ...Не болей!»

Но к концу апреля письма перестали приходить. Дни за днями тянулись нехотя, это было грустно, но от мысли о скорой встрече у Сергея на сердце теплело.

Наконец, за несколько дней до майских праздников, док-

тор сообщил, что он готов его выписать. Сережиной радости не было предела, но нужно возвращаться в училище, идти на занятия. С трудом ему удалось выпросить у доктора амбулаторную справку и торопясь, предвкушая скорую встречу, он рванул в поликлинику, находившуюся в дворе больничного комплекса, ставить печать на справку.

Войдя в фойе поликлиники и направляясь к регистратуре, неожиданно встретил свою соседку по селу. Год назад, закончив школу, она поступала в мединститут, но не прошла по баллам и устроилась в поликлинику техничкой, что давала ей предпочтение при поступлении в институт.

Сергей обрадовался неожиданной встрече и, окликнув, радостно с ней поздоровался. Сестры в регистратуре не оказалось на месте и у них появилась возможность переговорить. Говорили о каких-то пустяках, смеялись. Она неожиданно задала ему вопрос, который он не сразу осознал, продолжая улыбаться. Она спросила его:

- А ты в курсе, что твоя жена вышла замуж? Позавчера была свадьба. И знаешь кто ее муж?

Она назвала фамилию. Это был еще один их одноклассник.

Много позже он, вспоминая эту встречу, вспомнил о том, что землячка, говоря о замужестве Али, назвала ее «твоя жена», значит, так думал не только он.

Он изменился в лице, соседка, сообразив, что перегнула палку, бросив на него удивленно-тревожный взгляд, быстро

ретировалась.

«Как же так, - вертелось в голове – вот же письма, где вся страница исписана только одним словом «люблю, люблю, люблю»? Нет, наверное, это глупая шутка. А смысл ей шутить?».

Опустошенный, вновь почти больной, он сел в рейсовый автобус и поехал к родителям. Через несколько часов, добравшись до родного села, он вылез из автобуса, не доезжая села, и, чтоб никого не встретить, огородами, вдоль пруда, пошел к родительскому дому.

Войдя в дом, он увидел маму, которая, увидев его, радостно вскрикнула, прижала к себе. Они стояли и она, как в детстве качала его, прижимала к себе.

Не отрываясь от нее, он глухо спросил:

- Мам, это правда?

- Да, сынок. Видно, не судьба вам, а судьба в таких делах одна на двоих. Не жалею! Все уладится. Жизнь она длинная.

Прошло много, много, много лет.

Почти вся жизнь, сложившаяся хорошо: семья, дети, любимая женщина...

Но память!.. Куда ж от нее! Она, к счастью, не дает нам все забыть, чтоб не повторить ошибок. Хотя порой все усваивается не с первого раза. Ничего забыть невозможно, да не нужно стараться, обманывать себя, а вот простить – да, надо.

Прощение - продолжение любви, которая не лишает чело-

века радости жизни. Прощение - плата для входа в иное бытие, где человек сохраняет свой, дарованный свыше, образ.

Без этого прощения, человек входит в иную дверь, соседнюю, где, как ему кажется, тот же мир.

Мир тот же, наполнение другое!

Это мир одиночества, тоски, боли и ненависти, не прощающего зла, обид, не требовательности к себе, желание любви, пусть хоть на миг, утоляющей пустоту души.

У каждого человека свой путь в этом мире, выбираемый только им самим. Выбор, по сути, не сложный и не трудный, все зависит от того, чем мы наполняем свое сердце: правдой, любовью, верой или ложью, предательством, недоверием.

Как важно хранить чистоту сердца с юных лет! Бесценный опыт, даваемый нам в юности, нужно беречь, хранить его чистоту и на нем строить свое будущее.

Дом, построенный на песке, безусловно, будет смыт первой же бурей, но это не повод рвать волосы и начинать новую стройку на том же месте. Надо искать новое место подальше от воды и на крепком фундаменте.

В межчеловеческих отношениях самый прочный фундамент - любовь!

Незнаново
Март 2023 г.

ВСТРЕЧА

Мы с ней учились в одном педагогическом училище. Звали ее Галина. Тогда мне совсем не думалось о том, что мы будем связаны с ней всю нашу жизнь, хотя после окончания училища, мы так ни разу и не виделись. Не виделись в жизни, в реальном мире, но одна встреча, все же, была, при довольно странных обстоятельствах...

Эта встреча помогла мне пережить тяжелые, личные духовные испытания. То, что встреча была на духовном уровне, не вызывает сомнения, но почему она пришла меня предупредить о готовящихся искушениях? Разве могут быть такие связи у живых? А может, ее уже нет на этом свете? Откуда у нее такая сила, такое право? Но, чтобы не было, эта встреча произошла, и она пришла мне помочь. Но все по порядку...

Шли последние недели пред окончанием моего обучения в педагогическом училище, в одном из уральских городов. Время трудное, но молодости свойственна беспечность и самоуверенность, что давало нервной системе довольно легко переживать наступающие экзамены и перемены в судьбе.

Мы с ней были знакомы почти два года, но общались не часто, тем более, она была местной и училась на курс старше. Ее группа шефствовала над нашей и иногда мы встречались на каких-то мероприятиях и я особо не обращал на

нее внимания, тем более, я был, все же, постарше и уже отслужил в армии, а она всего год как закончила школу. Да, я замечал, что она относится ко мне как - то по особому: заботилась обо мне, живущем в общежитие, угощая разными домашними вкусностями и готовая исполнить любую прихоть. Это и забавляло, и пугало. Но все было столь трогательно и с чистейшими, как мне казалось, и я убеждал в этом себя, помыслами, что я не мог не относиться к ней как к сестренке. Разговоров или шуток о наших отношениях, как ни странно, не было.

Если честно, то я, конечно же, видел, как она смотрела на меня; слышал, как теплел и звенел колокольчиком ее голос, когда мы оказывались наедине. Это меня, сказать честно, тревожило и, даже, пугало, потому что размышляя о нас, я не находил для себя возможным не только поцеловать или обнять ее, сказать глупое слово, но даже прикоснуться к ней, как это бывает между молодыми людьми. Не скрою, были и мысли плохие: умом понимая, чего она хочет, можно было спустить все на тормозах, претвориться и получить то, о чем мечтали многие мои однокурсники, но ... сердце, томимое жалостью и состраданием, хотело, чтоб у нее было все искренне и чисто. Но как ей все это сказать? Смелости у меня не хватало на такие беседы, да и скоро все само собою разрешится, когда уеду после окончания учебы. Так думал я, стараясь реже видеться с ней.

Тот период моей жизни был для меня сложным, полным

разочарований и душевной пустоты. Все ушло куда - то , я не видел смысла в своей жизни, ни кого и ничего вокруг не видел, не чувствовал радости жизни, неуверенность и разочарования терзали мою душу, выворачивая ее на изнанку, все было «на автомате». И тому была веская причина, хотя и банальная – предательство любимого человека. Тогда, в том возрасте, казалось, что жизнь отныне потеряла всякий смысл. Но, тем не менее, она продолжалась...

Однажды она, пришла в гости без предупреждения, так как в ином случае она бы просто не застала меня, так как у меня непременно бы нашлись «неотложные дела». Была весела, но чувствовалось какое – то напряжение в ее движениях, словах. И, к моей радости, что – то так и осталось недосказанным и, пригласив к себе на день рождения, убежала. Делать было нечего, пришлось согласиться.

Вечер был замечательный, гости, которых было не много, сыпали комплиментами, было весело и просто. Праздник затянулся далеко за полночь. Лишь под утро гости стали расходиться. Стали и мы с моим товарищем, прощаться.

Галя и ее сестренка с подругой пошли нас проводить до перекрестка. Снега уже не было, но легкая утренняя свежесть бодрила. Стал накрапывать весенний мелкий дождичек. Мы продолжали веселиться, шутили, пели песни. Мой приятель и девушки «гоготали» без усталости и ранним утром на пустой улице это было оглушительно.

Через некоторое время она взяла меня под руки (я напряг-

ся) и молча пошла рядом.

Вдруг она спросила, почти шепотом:

- Ясный, - она почему – то так меня называла, чем очень смущала - за что ты меня так ненавидишь? Не любишь?

Приятель и его подруги замолчали, замер и я.

Вселенская боль пронзила всех и оглушила...

Все вокруг исчезло: дома, улицы, лица, воздух... Горячая ударная волна этой боли окатила меня с ног до головы.

Я растерялся и, к своему удивлению, почувствовал, как во мне закипает раздражение.

Придя немного в себя, я огляделся. Никого, кроме нее, рядом не было. Сколько же прошло времени? – мелькнула мысль и исчезла, не дав удивиться. Ее глаза смотрели на меня, и такая тоска была в них! Я молчал, не зная, что сказать, а в ее глазах таяла надежда. Молчать дальше было просто глупо, и я заговорил:

- Галя! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь! – Ее пальцы, нервно теребившие края платка, замерли, - Не много на свете людей, кого я люблю, так как тебя!

В легких не осталось воздуха, но и глубокий вдох не стал спасением, воздух в легкие не поступал. Приходилось дышать часто и стараться не выпускать воздух сразу, отчего речь моя была сумбурной и прерывистой.

- Я, наверное, дурак, но я не могу тебя обманывать. Неужели тебе это не понятно?

Я продолжал что-то в том же духе, все больше ненавидя

себя. Она, молча, смотрела на меня, чем совсем обескураживала меня и, в конце концов, пролепетав еще что-то, я замолчал, глотая твердые куски утреннего воздуха.

Утро почти наступило. Сквер, омытый ночным дождем жил ожиданием солнца, которое вот-вот должно было взойти. Было светло и свежо. То ли от прохлады утра, то ли от пережитого и навалившейся усталости и волнения, меня било мелкой дрожью. Неимоверно хотелось, чтоб это нелепый разговор, тяготивший меня (тогда я думал только о себе!), скорее закончился, и я бы убежал от всего в родное общежитие и спрятался в теплой постели. Но она ждала еще чего-то, и я проямлил:

- Я не могу сделать того, чего тебе хочется, Галя! Это глупо! И, вообще, пойдем я тебя провожу, - произнес я, беря ее за локоть, боясь ее отказа, истерики, да и вообще...

- Хорошо, - безцветно произнесла она, взяв меня под руки, - пойдем, мой Ясный!

Повиснув на моих руках и прижавшись к плечу щекой, продолжила:

- Может ты и прав по своему... Но ты мог сделать меня счастливой, а потом уйти. А я бы в своем счастье простила бы тебя, потому что люблю. Любящий может простить все и обман, и предательство... Ты думаешь обмануть меня это предательство?

Я пробормотал:

- Ты так говоришь, потому что уязвлена твоя гордость?

- А ты хочешь сказать, что ее у меня нет? – вопросом на вопрос ответила она, - Не беспокойся, есть, просто любовь сильнее гордости. Девичьей гордости. Это не отчаяние, а, скорее всего, не понимание тебя... Я все не могла понять, разве ты не видел и не чувствовал, как я тебя люблю!

- Видел и чувствовал и гордился этим. Но разве любовь столь изменна? И что это за любовь, которая обязательно должна закончиться этим? Разве мало того, что тебя уважают, любят по-настоящему и ценят за высокие качества, а не за банальный... Любви не свойственен торг. Ты, поймешь меня, потом, после... я мог притвориться, обмануть и прочее, но это было бы смертью моей души... И потом, в этом деле нужна все же взаимность, а её то как раз у нас с тобой нет.

- Странно, - прошептала она, - Любишь ты, люблю я, а любви между нами нет.

- Ты права, у кого-то из нас любовь не настоящая. Любовь должна давать крылья, а если она жмет к земле, к плоти, то это не любовь...

- Что же?

— Страсть. Может еще не понятно, но, придет время, и ты все поймешь, и когда мы встретимся, возможно, ты будешь смотреть на все это по-другому. Прости меня, Галя!

Мы почти дошли до ее дома.

- Ясный! Ничего не понимаю, мне плохо, но я верю тебе. Чувствую, что ты прав, что не зря мы встретились, но трудно,

очень трудно сейчас мне... Я ничего не понимаю... - голос ее задрожал. Комок боли сжал и мое горло.

- Но я прощаю тебя, все прощаю. Пусть это пока слова разума, но прощаю, а теперь иди...

В моей душе метался ураган, я смотрел в ее глаза и огромным усилием воли сдерживал себя от непростительного поступка. Видел, что она говорит правду, видел, как и ей тяжело сейчас все это говорить, но знал, что это необходимо ей и мне.

- Иди! Стой! Поцелуй меня, мой Ясный, на прощание. Это не противоречит твоей философии?

Я почувствовал в ее голосе ироничность прежней Галки, и мне стало покойно и легко. Молча, коснулся ее губ, чуть задержавшись, давая возможность ей и себе запомнить это мгновение. Губы были сухими и горячими. Обхватив мое лицо ладонями, она замерла. Что происходило в бедном сердце ее! Сколько мы простояли так, не ведаю, мгновенье, вечность?

Иди! – выдохнула она, глядя прямо в сердце, - Иди, мой Ясный!

Я отступил шага два назад, слабо махнул рукой и, повернувшись, быстро зашагал прочь, сердце пронизывали стрелы холода и оно каждое мгновение ожидало чего-то - крика или конца света....

Дойдя до поворота – оглянулся – ее не было видно. «Ну, и хорошо», - подумалось мне, и вскоре я уже засыпал в родной

общаге, вообще-то, не в силах в полной мере осознать всего того, что произошло нынче утром.

Еще несколько дней, живя под впечатлением необычного дня рождения, я пытался осмыслить происшедшее, но постепенно новые события и дела вытеснили «дела давно минувших дней» на периферию сознания. Все реже я вспоминал об этом дне. Может, так бы и забыл обо всех перипетиях того дня, но какое-то чувство, чувство вины что ли, не покидало меня.

Прошло двадцать лет. Мы так ни разу и не встретились. Где она, что с ней я не знал и не пытался искать, боясь, что это может как - то встревожить ее, повлиять на судьбу. Наверняка замужем, дети – жизнь успокоилась, зачем тревожить...

Двадцать лет достаточно большой срок в человеческой жизни и всякого было в ней и хорошего, и плохого. В семейной жизни у меня было все в порядке, если не сказать больше. С женой повезло: умная, заботливая, любящая, мать – каких поискать. Дети, в которых мы души не чаяли. Богатств не нажили, но была семья – мое утешение и радость. Смысл моего существования.

Жили мы далеко на севере, куда уехал я с семьей почти сразу после женитьбы. Работал на комбинате, а последние четыре года священствовал, приняв сан, в одном из лесных леспромхозовских поселков. Семья жила в городе я в поселке и причин, для такого положения дел, как нам каза-

лось, было предостаточно: детям надо доучиться в нормальной школе, поступить куда – либо, а тут и жилья не было, приходилось скитаться по углам, приход, только создаваемый, естественно, не был богат, матушке приходилось работать и так далее. С жильем и вправду было не просто, почти два с половиной года жил по углам у прихожан, пока не разрешился вопрос. За это время построили храм, освятили его. Семья терпеливо сносила все неудобства нашей жизни, часто ездили друг другу, и я очень гордился своей семьей. Служилось мне, с Божией помощью, легко. Отстроили, как я говорил, церквушку, не большую, но уютную, служили часто и душевно. Учился я у людей, учил своих пасомых помаленьку. Нашлись и чтецы, и певчие, и алтарники.

Не ведаю, как бы сложилась моя жизнь дальше, если бы не один странный случай, вернее, встреча, случившийся в зимнюю ночь и, как потом оказалось, подготовивший меня к тяжелым духовным испытаниям.

Лесной рабочий поселок спал, укутанный снегами. По пустынным, слабо освященным улицам, гуляли зимний ветер да собаки. Черное небо, утыканное яркими звездами, неподвижным покрывалом охватывало поселок, тайгу, озера. Яркая луна время от времени пряталась среди быстронесущихся туч.

В зимнем лесном поселке особая тишина, просто мистическая тишина!

В моей небольшой комнатке, было холодно, и лишь лам-

падка освящала кровать, сколоченную из досок, на которую я прилег после вечерней молитвы. Николин день завершался. Был он хлопотным и усталость, охватившая меня, не позволила устроить свою постель как надо. Я прилег и задремал.

Сквозь дремоту я вдруг почувствовал, что кто-то сидит рядом у кровати. Я повернул голову и в полумраке комнаты увидел ее – Галю! Не скажу, что я испугался, нет, я даже не удивился, точнее, не очень удивился! Я ее сразу узнал! Как будто мы вчера расстались. Она была в сером зимнем пальто. Мохнатая шапка лежала на моей постели. Я еще подумал: «Хорошо, что одета, а то у меня не жарко». Хотя было темно, но ее лицо я видел ясно и отчетливо, оно не изменилось.

- Здравствуй, Галина, - пробормотал я, подымаясь с постели и одевая валенки.

- Здравствуй, мой Ясный. Хотя, наверное, к тебе надо обращаться – батюшка? Но ты прости меня и благослови, - ответила она, улыбаясь, как та Галя, светло и радостно.

- Бог благословит, - смутился я, - Какими судьбами ты здесь? Вот уж не думал, не гадал.

- Ясный мой, я ненадолго. Пойдем, погуляем? Помнишь, как тогда?

Она смотрела на меня с такой теплотой и любовью, так смотрят матери на своих любимых чад, что мне стало неудобно. Я засуетился, одеваясь, и даже не подумал о том, как она вошла в квартиру, если замок был закрыт?

Мы вышли на морозную улицу. Под ногами поскрипывал

снежок и, как бы прислушиваясь к нему, какое-то время мы шли молча. Она шла рядом, держа меня под руку, и улыбалась чему-то своему. «Да - подумал я - увидят меня гуляющего ночью с незнакомой девушкой, будет разговоров!».

В молчании мы дошли до мостика через речку. Места здесь чудесные, но это место особенно красивое в любое время года. Вот и сейчас хрустальные деревья в синих снегах, арочный мост, усыпанный алмазами, над неподвижной белой рекой, напоминали сказку.

Я ни о чем не спрашивал, хотя очень было любопытно, потому что понимал, что так надо. Мы стояли на мосту. Мороз был достаточно крепким, но я не чувствовал холода. Она стояла рядом и смотрела на меня. Я же смущался и смотрел на небо, изредка на нее. Наконец она произнесла:

- А ты был прав, мой Ясный!..

Я с трудом выдохнул вдруг ставший колючим воздух:

- В чем?

- Во всем... Тогда... На рассвете...

Она говорила слова отдельно, с паузами.

- Любовь не терпит лжи... ты мог обмануть... Да и я хотела обмануться... Не понимала всего... А уступи ты тогда, я не узнала бы цену настоящей любви... Не обрела бы смысла этой Любви... Было бы все банально, по земному... Даже страшно! – она передернула плечиками, - Брр-р! А ты не изменился? Ты до сих пор так думаешь?

- Не знаю, может, я не так категоричен сегодня. Хотя, уве-

рен, что до любви надо расти, до Божией любви. Любовь невозможно предать. Можно предать Родину, дело, человека, но причем здесь любовь? Предать любовь невозможно, значит, ее просто не было в этом или в том человеке!

- А как же тогда что Бог есть любовь? Бога же предают?

- Нет, Его нельзя предать. Он или есть в сердце, или Его нет. Человек с Богом в сердце не может совершить предательство, если совершается несправедливое, по жестокосердию человека, Бога в сердце нет, Он изгнан волей человека. И Он даже этот выбор человека уважает и...

- А ты смог бы сегодня простить предательство?

- По отношению к себе? Думаю, что смог бы, каждый свободен выбрать свой путь, но сожалел бы.

- Я рада за тебя, мой Ясный. Если мы должны любить тех, кто отрекся или даже сопротивляется Богу, то сколь мы должны более любить тех, кто отрекается от нас, может быть сам того не желая, поддавшись страстям или проявив слабость и прощать им их отступничество.

Мне было удивительно приятно говорить с ней. Так стояли мы, разговаривая, не замечая времени.

- Пойдем, мой Ясный, мне пора.

- Куда? – удивился я, - Ночь на дворе. Автобусы будут только утром. Хочешь, я отвезу тебя на своей машине?

- Куда? – теперь спросила она, засмеявшись.

«И вправду, Куда?», - мелькнула мысль, - «Я же ничего не спросил у нее. Откуда? Куда? Как она попала сюда?

- Идем, идем,- затеребила она меня, увлекая в сторону дома и отвлекая от странных мыслей. Обратно мы дошли гораздо быстрее, хотя проделали тот же путь. У дома она остановилась, повернувшись ко мне лицом, не выпуская мою руку из своей теплой ручки.

-Ну, вот и все, мой Ясный! Мне пора!

- Ты не зайдешь? А то оставайся ночевать у меня. Место найдется.

- Не боишься?

- Нет!

- Я знаю, Ясный, это я так, к слову... Не могу. А ты вспоминай меня и наш разговор. Помни, что любовь все прощает. Я рада, что встретила тебя и рада за тебя. Я должна была убедиться, что ты тот же самый и сможешь победить.

- Ты это о чем? – меня встревожил ее странный монолог.

- Ты не волнуйся, теперь я знаю, что ты сделаешь все правильно...

- Что я сделаю правильно? Галина, что случилось или случится? – спрашивал я, но она только молча смотрела на меня грустными глазами и мотала головой. Когда же я отвлекся чем-то всего на мгновение, то ее уже не было. Сердце мое колотилось как набатный колокол, но вокруг была ... только ночь и тишина. Я в тревоге побрел домой...

В углу по-прежнему теплилась лампадка...

Что было со мной потом, трудно описать. Меня переполняло чувство безотчетной тревоги, сердце сжималось от бо-

ли предчувствия скорой беды. Встав на колени у кровати, я попытался молиться, но молитва не шла. «Господи, помилуй и сохрани», - без устали повторял я, пока в изнеможении так и не уснул, уронив голову на кровать.

С утра, первым делом, позвонил домой – все живы и здоровы! Слава Богу!

Как в калейдоскопе менялись дни. Заботы и дела отвлекали меня, но тревога нет-нет кольнет занозой в сердце. Вспоминаю весь наш разговор с Галей, но не могу понять – откуда грядет беда?

Прошел Новый год, Рождество, святки, Крещение... Я почти успокоился. И даже стал посмеиваться над своими тревогами, укоряя себя за непростительное суеверие – веру в сновидения. А то, что это ночной сон я уже почти не сомневался. Никому я не рассказывал о своих ночных приключениях, тем более семье, боясь их растревожить или быть непонятым.

Конец января был теплым. Морозы отступили. Все чаще небо затягивали тучи. Легкие выюги завалили снегом поселок под самые крыши. Самая глухая пора зимы. Одиночество своей жизни я скрашивал в беседах с замечательным соседом добрейшей души человеком Сергием. В один из таких вечеров прозвучал телефонный звонок из города, где жила моя семья, давший начало долгим и трудным испытаниям моей любви.

Эта необычная мистическая встреча, имевшая начало

двадцать лет назад, помогла мне подготовиться к испытаниям и дать в своем сердце ответ на главный вопрос: «Любиши ли Мя»?

Рассказики

Случай в «маршрутке»

Морозным зимнем вечером ехала по городу старая, полуразбитая «маршрутка». Усталые люди были рады этому транспорту с непритязательным комфортом, но зато с более-менее регулярным графиком движения. Они, почти всегда, особенно в часы пик, бывают перегружены. Как бы водители «маршруток» не убеждали пассажиров, всем «тоже надо ехать». И потому водители, помолясь своему шоферскому богу, везут своих горемычных пассажиров, надеясь на то, что не встретят сотрудника ГАИ, бдительно следящего за ростом своих доходов. И, потому практически, невозможно было его убедить снизойти и понять, что люди, «жизнь и покой» которых он охраняет, устали, замерзли, едут домой после трудового дня или, наоборот, на трудовой подвиг спешат. Он невозмутим, и с благодарностью глядя в переполненный салон, ждет своего «кусочка пирога», который и «отстегивает» водитель маршрутного такси. Все законно. Никто не спорит. Дети «гаишника» могут быть спокойны, отец сегодня им принесет что-либо в «клювике».

Так было и в один из холоднящих декабрьских дней. На одной из остановок в «маршрутку» не вошли, а втиснулись два огромных «шкафа» под два метра ростом, с розовейшими, как у младенцев, щеками и, как полагается в кожанках.

Про таких ребят говорят «косая сажень в плечах», а проще – братки. Видимо у них сломался автомобиль, а возможно просто у них ее еще не было, а они торопились на него заработать, и потому решили они добраться до нужного им места на такси, а скорее всего холод заставил их принять столь кардинальное для них решение.

Ясное дело, водитель не стал спорит с ними, своя жизнь дороже, времена то, не приведи, Господи, какие не простые. Несмотря на то что «маршрутка» так накренилась, что казалось, она вот-вот перевернется, он отправился дальше по маршруту. Поехали!

Но, видимо, шоферской бог ушел греться, и оставил за себя этих браточков.

За первым же поворотом водитель увидел бдительного, с завязанными под подбородком шнурками шапки, в рукавицах, заиндевелого, как Дед Мороз не высокого росточком сотрудника ГАИ, бросившегося наперерез движению «маршрутки», махая своей «волшебной палочкой». Видимо нужда была не шуточной, что в такой морозный день он с таким рвением исполнял свой долг.

Сотворив нечто подобное улыбки смерзшими губами, изобразив жест, скорее похожее на приветствие Штирлица Мюллеру, чем отдавание чести, он промычал:

-Нафушаем, гаажданин водила?

Не унывающий водитель, сдерживая смех от увиденного пред собой, ответил:

- Что уж сразу гражданин, может еще товарищ? – и по привычке протянул «пятихатку».

Удивленно вскинув бровки, старший лейтенант долгим взглядом посмотрел на водителя и вдруг заявил:

- Выгружай!

Толи от мороза, толи от веселых глаз шофера, толи от того и другого, что то не сработало или сработало не так как обычно в голове у постового, и даже вид традиционной «пятисотрублевки» не переключило его внимания.

- Нарушаем? Выгружай!

- Товарищ капитан, - подхалимничал впропалую водитель, повышая его в звании - так ведь люди... холод...

- Выгружай! – настаивал гаишник.

«Вот дятел», - рассердился водила, но у него мелькнула веселая мысль.

- Товарищ, капитан, помогите выгнать этих «архаровцев», твержу им, твержу, а они - ни в какую, не хотят выходить. Дайте им по шапке, рассчитаемся, да и разойдемся как в море корабли, а?

Старлей – колобок важно покатился к боковой двери «маршрутки», не спеша, подойдя к ней, открыл ее, увидел братков... и замер. Он стал еще меньше, чем был, палочка безвольно уткнулась в снег. Неотрывно смотря на четыре глаза, глядящих совсем не дружелюбно, он пытался взять себя в руки, но не успел, один из «шкафчиков», видимо самый сообразительный, прорычал:

- Командир! Закрой дверь! Не лето! Видишь все занято. Дождись другого.

Старлей, как даже показалось, радостно, закрыл дверь и остался стоять с так и не сказанными словами, беззвучно шевеля губами, глядя в след удаляющейся, грохочущей от смеха пассажиров и старости «маршрутки»...

Поминки

После войны это было...

Сошлись по традиции стенка на стенку на кулаках мужики из двух соседних деревень. Да так, беспричинно – праздника ради. Без злости, удали ради и потехи...

Разгорячились, дошло до дрекольев...

Опомнились, когда раздался истошный женский вопль. Воцарившаяся тишина не предвещала ни чего хорошего.

Погиб молодой человек, единственный сын одинокой бабки, недавно пришедший с той самой войны...

Похороны... Горе... Две деревни плачут...

Пригласили, как водится, отпевать батюшку из Нерехты. Старый батюшка, высокий, борода до пояса и не седая, а уж замшелая, зеленая вся... А с ним тихая, смирененькая матушка или певчая...

Отпели. Душевно... Сели как водится за стол.

Убитая горем мать смогла предложить лишь три бутылки дешевого винца, казенного, для особых гостей, да бидон трехнедельной браги... Сваренной по случаю праздничных дней.

Батюшка, оглядев стол, вдруг заявил, что такой гадости он пить не станет и что ему нужно всего-то стакан водки или спирту...

Старушка, не отошедшая от горя и ничего не понимая, пробормотала:

- Дык, нету ничего, батюшко, не обессудь...

Старик встал из-за стола, сказав в сердцах:

- Знал бы такое дело и не приехал бы!

И пошел к выходу.

Гости молча наблюдали за происходящим. Старушка наскоро собирала в платочек, так и молчащей до сих пор старушки, пирожки, огурчики, яйца...

Ушли... А в памяти осталось...

В больнице

Лежали в палате больные. Кто после операции, кто до нее. Среди них выделялся старичок, который уже чувствовал себя более или менее, хотя вчера еще лез на стены от боли. Сегодня он уже шутил и рассказывал забавные истории.

Зашел у него разговор и с батюшкой, лежащим здесь же после операции. Заговорили о том, кому быть благодарным врачам ли, Богу ли за выздоровление. Рассказал ему батюшка притчу о десяти прокаженных, которых излечил Бог, а благодарить пришел только один и тот язычник. Истинно так, пока болеем, то готовы что угодно наобещать, а отлегло – забыли.

Старичок тоже посмеялся и поддержал батюшку.

Тут обход врачей.

Подошли к старичку, посмотрели, посоветовались. Все бы у старичка ничего да температура держалась высокая и врачи решили: надо оперировать, ибо воспаление не проходит. Сообщили об этом ему...

Он сразу как-то сник, посерел, даже стал меньше ростом, исчезли огоньки в глазах, и осталась только серая щетина на лице... целый день он лежал на кровати, вздыхал и нюнил:

- Нет, я не выживу...

Сосед по палате, священник, поглядев на него, сказал:

- Что-то вы, батенька, паникуете, смотреть противно. Что похороны скорые любите? К вечеру температуры не будет... Идите побрейтесь, приведите себя в порядок, еще всех удивите.

Через четыре дня священник выписывался из больницы...

Старичок долго тряс ему руку:

- Батюшко! Поправлюсь, обязательно приеду к тебе в деревню. Примешь?

Священник грустно улыбался.

- Кабы все подобные тебе исполняли свое слово, а то ведь один из тысячи...

В приемном покое

Три раза в день гуляю со своей старой полуслепой, почти глухой собакой. Идя, обычно, беру одну сигарету... Пока курю, собака гуляет, а там и домой. А сегодня, только закурил, подошли четыре юнца: «Дядя, дай закурить!» - Дык, нет, не взял с собой...

Сломали четыре ребра, разбили голову....

Очнулся, тихо скулит замершая собака...

Больно... Обидно... Стыдно...

Третий брак

- Вот, батюшко, ты говоришь, что церковь третий брак не венчает. А ежели мне надо, необходимо венчаться? Чувствую, что надо, созрел, стало быть, я к этому событию...

- А первые твои два брака были венчаны, брат?

- Нет, отец, не были, но и в них я жил по-христиански. Были они законны, т.е. я жил расписанным, а причины разрыва вполне простительны. Первый брак распался из-за измены жены, не смог я простить ее. Двадцать один год прожили мы вместе. Жили вроде ничего, двое деток было у нас. Я работал, она по дому...

Я ведь женился рано перед армией, за три месяца до призыва. Она сирота была из Ленинграда, выросла в детдоме. Все было хорошо, да вот подарил я ей путевку в дом отдыха, недалеко под Кострому, думал пусть отдохнет, а оказалось... Через неделю заскучал, поехал к ней, накупил цветов... А ее там нет, документы есть, а ее нет. До вечера ждал, не пришла... На завтра взял денег побольше, заказал такси и туда, дождался их, ее забрал, увез домой. Нет, не ругались, думал, пройдет, стыдно же все же от людей. Утром ушел на работу, а она сбежала и заявила через день, пьяная вдрызг... Уложил ее спать, а сам всю ночь думал, думал, даже убить хотел, но ... прожили рядом еще несколько лет и все же развелся,

ушел я, оставил все и ушел.

К тому времени я познакомился со второй своей женщиной. Какой она была прекрасный человек! Батюшка! Ни до, ни после я не встречал такой женщины! Шестнадцать лет я жил как в раю: работал, учился, получил второе образование, мы не расставались ни на день, и нам не надоедало видеть друг друга. Она любила моих детей как своих и я также любил ее детей... Это были годы настоящей жизни, взлета моих творческих сил... Я так любил ее, я так любил жизнь, но это длилось только шестнадцать лет. Не так мало, а для меня это как один день... После ее смерти я думал, что также умру, но, как видишь я еще жив...

Жизнь после ее ухода стала серой и однообразной. Одиночество терзало меня, и тоска выгрызала душу. Ее дети просили меня остаться в ее квартире и жить, но я не мог. Первая жена, придя на похороны, сказала: «Приходи домой и живи». Но я сказал, что не смогу жить с ней рядом. Обидел, наверное, но тогда мне было все равно, я ждал старуху с косой...

По прошествии времени, а я тогда жил на даче, стала мне приходить мысль, что надо жить, надо как-то выбираться из этой тоски и одиночества. Стал я ездить по близлежащим городкам и поселкам на базары и блошинные рынки. Сначала просто так, чтоб среди людей быть. Потом стал приторговывать сам, надо же было на что-то жить, ездить, покупать товар. Да так все по мелочи.

Однажды в небольшом городке Нерехта познакомился я

с интересной женщиной, иммигранткой из Казахстана. Бывший директор школы, она работала продавщицей на рынке. Слово за слово, встреча за встречей, так и привязались друг к другу. А потом стали жить вместе. Одиннадцать лет уже.

Семь лет я ремонтировал домик и двор, теперь можно сказать, что не напрасно. Дом наш я люблю, а тем более она у меня такая чистюля! Через день большая приборка! Дома чисто, красиво, тепло! Хорошо! Хозяйка она отменная, а самое главное - человек она душевный! Внимательная. Я стараюсь отплатить тем же, короче, живем - душа в душу. Слава Богу, не дал на старости лет куковать нам в одиночку. Дети ее приезжают, мои приезжают, внуки – правнуки уже – все наши. Дружно живем! Дети рады, что мы нашли друг друга... Даст Бог поживем. Я вновь живу, и жизнь мне интересна, и ей тоже интересно жить... есть у нас мечты и нам надо их реализовать. Я когда – то в юности завел себе альбом, куда записывал интересные идеи, которые я мечтал воплотить в жизнь, живя на пенсии. И представь себе, я многое воплотил в реальность, но там еще есть идеи очень интересные, но это так романтическое отступление.

Главное-то, батюшко, хочу я повенчаться с нею! Ее почти уговорил, а сам я готов давно. Так благословит церковь нам повенчаться?..

Существенная правда

Рассказывает местная жительница: «В былые времена в Нерехте были большие половодья. Затапливало дома по берегам речки Нерехты. А лед был огромной толщины!.. Пожалуй с метр... Ломался с грохотом и, бывало, сойдет вода, а лед этот останется на берегу. Дома заливало, подвалы все...

Муж сидит рядом и смеется:

- Не ври, Светлянка!

- Да как же! Папа сказывал....

- Ну, папа твой наговорит!... Любитель был сказки выдумывать для смеху.

А Светлянка не сердится:

- А, может и то, что на лодках от лестницы до пекарни за хлебом сплавлялись, сказки?

- Ну, это нет, было, было.

- То - то же! Это все существенная правда! Я не вру никогда!

Пруды

У жителей села Выголово, что в 5-6 верстах от города Нерехта, был такой обычай. В селе, точнее вокруг села, было три пруда, и каждый пруд имел свое предназначение никем не нарушаемое. В первом пруду, небольшом, но чистеньком мыли посуду. Следили, чтоб птица и скотинка не пачкали воду, отгоняли, да и животинки сами обходили сей пруд, видимо, привыкшие к такому положению дел.

Во втором пруду стирали и полоскали белье. Вокруг озера были установлены мостки, чтоб всем хватало места, и не было ссор.

Третий пруд, стало быть, дальний, был предназначен для купания и использовался часто, особенно после работы, когда смыть пот и пыль с натруженных плеч, было одно удовольствие. На берегах пруда проводили праздники и гуляния. Молодежь вечерами собиралась здесь и водила хороводы, пела песни. Здесь выбирали себе женихов и невест. Скорее не выбирали, а фиксировали сам факт взаимоотношений и ждали реакции общества, мнение коего было иногда решающим.

За прудами следили, чистили, берегли. Почему после 1917 года пруды были уничтожены, не ведомо. Видимо, считали наследием капиталистического прошлого, а стало быть, подлежали уничтожению, как и многое другое, что было из-

жито из жизни простого народа, особенно вера и церкви.

Яблоко от яблони...

Дочь звонит матери по телефону, которая только что пришла из магазина, разбирает сумки.

- Мам, привет!

- Здравствуй, дочка! – отвечает мать и продолжает копаться в сумках.

- Мама, что ты там пыхтишь?

- Да, телефон никак не найду... куда сунула...

- Дык, мам, давай я позвоню...

Пауза. Гаснет свет...

История карельского народа

Отзывы на исследование «История карел...»

Московский патриархат

Костромское епархиальное управление

№ 1286/847 – к 11 апреля 2008 г.

Настоятелю Николаевской церкви

с.Незнаново Нерехтского района

иерею Сергию Фатхутдинову

Ваше Преподобие, отец Сергей!

По благословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего АЛЕКСАНДРА, Архиепископа Костромского и Галичского отправляем Вам отзыв Заслуженного работника культуры РФ, члена Союза писателей России протоиерея Вячеслава Шапошникова на Вашу работу «История карельского народа от древнейших времен до наших дней».

Заведующая канцелярией

Костромского епархиального управления Е.П.Осипова

О Т З Ы В

Протоиерея Вячеслава Шапошникова, члена СП России, Заслуженного работника культуры РФ, на брошюру – монографию Рамиля Салаватовича Фатхутдинова «История карельского народа от древнейших времен до наши дней».

В своих исторических изысканиях Р.С.Фатхутдинов опирается на солидную фактологическую базу, его исторические предположения и выводы нигде не граничат со своевольными фантазиями, о чем необходимо сказать, поскольку в недавнем времени наша отечественная историография грешила этими фантазиями весьма часто. Историки советского периода намеренно о многом умалчивал, многое искажали. Очевидно, что историческая правда должна быть восстановлена. Этому и послужил в своей работе автор.

Хотелось бы сразу, по прочтении монографии, поблагодарить его: я получил возможность иметь полное представление об одном из древнейших народов нашей великой страны – карелах. История народа, создавшего «Калевалу» - величайший и древнейший эпос – несомненно заслуживает глубокого и пристального внимания. В рунах, составивших «Калевалу» мы находим свидетельства исключительных поэтических дарований карельского народа. Факт сей говорит о том, что карельский народ изначально был народом духоносным, народом глубоких духовных созерцаний, народом религиозным.

Монотеизм – верование древних карел, естественно пере-

шедшее в Православие. Православие же было принято ими от Руси (1227 г.). Автор прослеживает весь исторический и духовный путь карел – от времен после потопных до наших дней. Его исследование закономерно, своевременно. Духовное у нас подменялось всюду пресловутой «темой труда», поверхностной «социальщиной». Принципиальное значение монографии Р.С.Фатхутдинова как раз в том и состоит, что в ней восстановлено замалчиваемое, выправлено искаженное. Всюду в нашей историографии – провалы, искажения, умолчания... Снял вот с полки (в связи с прочтением данной монографии) том из «Библиотеки всемирной литературы», в котором и представлена «Калевала». Во вступительной статье Мариэтты Шагинян, предпосланной сему великому эпосу, о ДУХВНОМ – ни слова... Зато, конечно же, есть дежурные, обязательные словеса: «Вся «Калевала» - неумолчное, неустанное восхваление человеческого труда». «Человеческий труд» был превращен в идола, которому следовало поклоняться и поклоняться... Но разве же в той же «Калевале» не было ничего, что возводило бы человека к высшему?!

Милость нам всегда – оттуда,

Лишь оттуда нам защита,

От небес высоких этих,

От всезнающего Бога...

Это – из девятой руны «Калевалы». И сколько в ней высоко, небесного!

«Народ, тысячелетиями крепко державшийся праотече-

ских религиозны традиций, избежавший религиозной деградации, и не впавший в дремучее язычество, принял православие как должное. Ему не пришлось отказываться от своих богов, как новгородцам и киевлянам. Он, почитающий Бога Отца, Творца неба и земли, с любовью принял Бога Сына, прекрасно понимая Его искупительную роль в истории человечества. Религиозный многовековой опыт помог ему тогда, когда в Русской Церкви произошел раскол. Отсутствие распрей и «гарей», т.е. самосожжений, мне кажется, свидетельствует о большой мудрости карел...». Привожу этот отрывок, дабы показать Автору, что, как историк, он в некоторых своих умозаклчениях не объективен. Разве нет в завершающих этот отрывок словах явного противопоставления карел – русским?! Выходит, что этой самой «большой мудрости» у русских не было?! Историк, пишущему о времени р а с к о л а, необходимо видеть пред собой всю сложность того времени, видеть все обстоятельства, приведшие к нему (например Ливонскую войну, в результате которой в центральные области России было репатрировано огромное число протестантов Прибалтики. Именно в этих губерниях – Нижегородской, Костромской, Вологодской, Ярославской – осело их великое число, без протестантского их влияния дело не обошлось...).

К счастью, других смутивших меня мест в тексте почти не обнаружено.

Вывод таков: написано своевременная, добрая книга. Нам

сегодня многое надо прояснить, исправить, верно определить в своей истории, вернее – в историографии. Этому доброму деланию и послужил, в меру своих сил, автор данной монографии, публикацию которой целиком и полностью одобряю.

Кострома. Март 2008 г.

Уважаемый отец Сергей!

Позвольте выразить Вам свою благодарность за подаренную Вами книгу о карелах и за удовольствие, полученное при чтении! Извините, что не написала сразу, когда прочла еще библиотечную книгу, а в Питере перечитала подаренную.

Давно не испытывала такой радости, интереса при чтении научной (на что по праву претендует книга) литературы. Книга Ваша – не сухо научная, она глубоко познавательная, т.е. материал ее охватывает всю историю древней Руси и удивительного карельского этноса. Так сжато (в небольшой книжечке), достаточно глубоко, ярко, с применением и литературно – художественных источников удалось Вам написать! Каждому русскому человеку (и это аксиома) необходимо знать о корневой системе своего народа, чтобы с уважением сохранять доставшееся нам. Взяли ли на вооружение Вашу книгу нерехтские учителя – историки, краеведы? Была ли презентация? Какое бесценное пособие для учащихся!

Я влюбилась в народность карелов (если так можно ска-

зять) и почва в моем сердце была готова, т.к. перед Вашей книгой прочла удивительную поэму поэта Николая Ключева «Песнь о Великой Матери» - о своей матери, о поморах и лопарях, о своем детстве. С какой бы страницы ни начала читать Вашу книгу – все интересно, живо написано...

Еще раз сердечное спасибо за книгу.

До свидания

Член союза писателей Санкт-Петербурга Т.В.Никитина.

12.04. 2008 г.

Здравствуйте, отец Сергей!

31 мая (2009 г.) в Калевальской районной библиотеке, в рамках литературно – духовного клуба «Воскресные встречи», прошла презентация Вашей книги «История карельского народа от древнейших времен до наших дней».

Мероприятие мы перенесли на май, в надежде, что Вы все-таки приедете к нам. Воскресная встреча состоялась удачно. Читатели проявили живой интерес к книге. Активно высказывались мнения и отзывы от тех читателей, которые уже успели познакомиться с книгой. А те, кто еще не познакомился с ней, создали даже очередь для прочтения. Сейчас это издание пользуется большим спросом у читателей.

Вот некоторые отзывы читателей. «Книга своевременная и интересная по содержанию, ее необходимо изучать в школе...», «Как бы так сделать, чтобы книгу растиражировать

дополнительно, чтобы люди могли бы ее купить?...», «Много исторических фактов и документов лежит в ее основе – это ценно...»», «Прочитала с интересом, но было трудно читать... (имеется в виду форма изложения и мелкий шрифт), «Книга найдет достойное место в истории православия Карельского края...», «Есть список священников нашего края и список литературы!...» и т.д.

И, конечно, все вспоминали о Вас, благодарили за бесценный подарок для калевальцев.

Я высылаю Вам диск с фото, газету, где говорится о проведенном мероприятии и отзыв на книгу Липкиной Л.Н.

Отец Сергей!

От имени участников воскресной встречи благодарю Вас за прекрасную возможность знакомства с Вашей книгой. Этот труд займет достойное место в наших библиотеках и существенно пополнит их фонды. К слову сказать, об истории православных приходов Калевальского (Ухтинского) района у нас имеется очень малое количество источников. Чаще всего материал собираем по крупицам. А сейчас мы имеем даже книгу! Огромное Вам спасибо!

Передаю Вам единодушные пожелания от калевальцев: просим переиздать книгу или дополнить ее тираж и отправить нам для продажи. Все полученные средства от продажи книги будут возвращены Вам.

Мы желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, новых творческих идей и удачи!

От всех калевальцев – низкий поклон!

Участники презентации: свящ. П.Б.Пуговкин

С.В.Кондратьев

Л.Н.Липкина

З.В.Сергеева

А.А. Торвинен

Э.И.Шаповалова

С.М.Сергеева и другие

с уважением директор МУК Калевальская ЦБС: Н. И. Лесонен

Новое прочтение истории карел.

«История карельского народа от древнейших времен до наших дней» - так называется книга священника Сергия Фатхутдинова, презентация которой состоялась 31 мая (2009 г.) в Калевальской районной библиотеке.

Отец Сергей, как его зовут многие калевальцы, служил в церкви Петра и Павла несколько лет. Параллельно священному служению отец Сергей активно занимался историей как Петропавловского прихода, так и всего нашего края. Итог его исторических изысканий – книга по истории калевальского народа, в которой священник представляет весьма необычный взгляд на карел, их расселение и государственность. Многие факты, изложенные в научном труде Сергия Фатхутдинова, конечно же, неоспорны, но выдвинутые ги-

потезы весьма привлекательны и хорошо обоснованы. В любом случае единобожие, которого карелы придерживались на протяжении многих веков, является одним из доказательств того, что наш этнос существовал еще в ветхозаветные библейские времена. И этому автор книги приводит исчерпывающие доказательства.

На презентации, которая длилась больше часа и по традиции окончилась чаепитием, продолжилось обсуждение книги. Выступавшие подчеркнули важность новых исторических сведений в плане воспитания молодежи и отметили, что неплохо было бы, если бы такие книги изучались в школе на уроках краеведения.

«Новости Калевалы» №21 (7585) от 4 июня 2009 года.

«Имя призвано, прежде всего, отличать объект от других подобных, а не описывать свойства объекта»

И.И.Муллонен.

Введение.

Историю карельского народа традиционно принято начинать с начала второго тысячелетия от Рождества Христова. Все бы хорошо, но возникают вопросы, на которые не дают

покоя. Вопросы разные. Например, откуда у народа, возникшего вследствие метисации от двух народов - веси и лопа-рей, такая культура, которой нет ни у того, ни у другого «ро-дителя»? Откуда он взял столь самобытную культуру, кор-нями уходящую в глубь веков и несущую в себе отголоски древней культуры Междуречья. Почему он выбрал архаич-ную культуру в то время, когда вокруг возникали современ-ные, и держалось его, невзирая на влияние язычества славян, и укрепившегося христианства? Почему карелы совершен-но не упоминаются в истории и летописях рождающегося го-сударства Руси до 12 века н.э. Возможно, у него было иное имя? Или есть тут нечто такое, что сегодня назвали бы поли-тической конъюнктурой, т.е. историографам было не с руки писать правду? Понять их тоже можно, особенно летопис-цев древней Руси, которые создавали «имидж» нового госу-дарства и им было очень важно заложить именно те «пер-вые камни» в фундамент будущей историографии, которые на многие века станут краеугольными. Да мы и не осуждаем их – они все сделали как должно. Что имеем, то имеем. Но все же интересно - почему?

У нас нет никакой тайной или корыстной цели, мы просто попытаемся поразмышлять на эту тему, сопоставить фак-ты, взглянуть на события, историю, географию немного под иным взглядом, чем принято. Может быть, мы и не правы, но примите все это как путешествие дилетантов и не судите нас очень строго.

В изучении истории карел историография долго (если не до сих пор) жила под влиянием мнения Н.Карамзина, который «ничтоже сумняшася» приравнял их к лапландцам, «которые от предков своих наследовали бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества» и получили развитие благодаря общению со славянами. Именно такое мнение и существовало на протяжении многих веков.

Интерес к народам севера, проявившийся к концу XIX века, в связи с ростом самосознания финского и карельского народов и его интересом к собственной культуре, имевшей глубокие корни, что стало открытием для мирового сообщества, был вскоре прерван политическими бурями. Во-первых, Финляндия, получившая независимость (1918 г.), была занята государственным строительством и вытекающими отсюда проблемами. Во-вторых, та же причина прервала в России все работы в этом направлении и, когда они восстановились, то по обе стороны границы были загнаны в прокрустово ложе идеологии. Но научной ценности они все же не теряют и можно быть только благодарным всем тем, кто в те нелегкие годы трудился над этими проблемами.

Основные вопросы, рассматриваемые советскими исследователями, касались отдельных периодов связанных с историей Руси и России. Более древние времена оставались, в большей степени не исследованы или слабо исследованы. Видимо считали, что у малого народа должна быть маленькая история. Положение изменилось в более позднее время,

хотя и среди них практически нет работ по религиозным воззрениям карел.

Эта, основная, сторона жизни любого народа, у карел изучена мало из-за нехватки археологических материалов, как утверждают специалисты, но, думается не только. Рассматривать вопросы о вере народов, в большей степени было «несознательно», да и не безопасно для жизни. Но на такие археологические материалы особо рассчитывать не приходится. Следы древних религиозных культовых сооружений трудно найти вблизи жилищ и стоянок, т.к. эта сокровенная сторона жизни была достаточно таинственна и мало доступна каждому и, в большей степени, возводились вне хозяйственной зоны поселения. И, затем, последующие религии, будь то язычество славян, или христианство, старались искоренить следы древних верований, и не надо объяснять почему. Потому они свои культовые сооружения (кумирни, а затем храмы и монастыри), возводили на местах где прежде находились святилища древних карел. Например, монастыри – Коневецкий, Валаамский, Муромский и другие были построены именно по этому принципу. Вслушайтесь в эти названия и услышите: Ко – Неве – ц (Нево – имя семитского бога), Вала – ам (Валамаа - земля Ваала), Муро - ма (земля муромы). И частые в долине реки Кеми (Финляндия) карельские наименования типа **Сортавала** (sorto. фин. – гнет, угнетение, притеснение; вала – Ваал, древний бог; т.е. Сортавала – место обитания гонимого Ваала), **Ниванья** (с фин.

– голова Нево), перемежаются с такими названиями как часовня, монастырь, что только подтверждает сказанное выше.

Но святилища должны быть. Особенно на севере Карелии и Финляндии, на горных высотах. Надо научиться их искать. Нашли же Пегремский культовый комплекс – значение которого еще не оценено по достоинству и оно не достаточно изучено. Они могут быть совсем близко и выражаться в сооружениях, на первый взгляд, и не столь заметных. Ориентирами могут служить каменные жертвенники – сейды. Кстати, Коневец, известен тем, что на камне, где приносились жертвы, был построен храм преподобным Арсением. Камень был в виде головы коня и отсюда, якобы и название острова. Хотя можно и согласится, что камень был похож на голову коня, нечто подобное мы можем наблюдать и на Погремском комплексе, но на счет названия острова есть сомнения. Думается, что здесь в основе все же лежит имя древнесимитского бога – Нево, что более логично – Озеро Ладога – Нево, остров – святилище этого самого Нево.

Еще надо помнить о том, что древние служители алтаря считали горы жилищем богов, и потом, преследуемые противниками они привыкли хорониться в самых глухих, труднодоступных горных местах севера, хотя и это их мало спасало.

Определение религиозных воззрений исследуемого народа дают возможность более точно ориентироваться во времени и месте рождения народа, проследить за его движени-

ем по лицу земли, за его связями и этапами развития. Без знания о вере народа, являющейся краеугольным камнем его мировоззрения, общения, быта и культуры, не возможно в полном объеме понять его национальные особенности, и невозможно точно узнать о его роли в истории.

А зачем это нужно, спросит кто-то? Во всяком случае, не для того, чтобы потешить национальную гордыню, а для того, чтобы показать: каждый народ значим в истории.

Историю одного народа можно в идеологических интересах скомкать, разорвать, перекроить, но из общей истории развития человечества, этот кирпичик не выбросить – рухнет общий дом. Вначале это может быть не так заметно, но то, что потеря невосполнима становится ясно много позже, когда уже ничего нельзя исправить.

Началом истории любого народа является его вера в Бога. На этом строятся все его взаимоотношения с окружающим миром, от этого зависит его жизнеспособность. И здесь так называемый, малый народ, может иметь такую веру, которая поможет ему преодолеть любые катаклизмы истории, и пройти сквозь века, а великая империя, отличающаяся всеядностью, т.е «веротерпимостью» и отсутствием основания-единой веры, вокруг которой бы строились все остальные отношения, рушилась, как колосс на глиняных ногах.

Нет больших и малых народов, каждый народ самобытен и достоин взаимной братской любви. Потеря одного, пусть небольшого народа – беда, как потеря родного брата. Пока

мы этого не поймем: от власть предержащих до последнего труженика, мы не отыщем столь желанную дорогу к потерянному раю. Ибо со своим исчезновением любой народ может унести с собой тайну, которую, окажется, знал только он, но без которой невозможно обойтись всем.

Изыскания последних лет в ономастике (Й.Вяхтола), археологии (И.Кочкуркина, Б.Авдусин, П.Журавлев и др.) дают возможность по иному взглянуть на историю карел. И, если изменить мнение о возрасте карельского народа, то на многие археологические и топонимические материалы можно взглянуть совсем с других позиций и анализировать их, используя методы, не засоренные идеологией и предвзятостью.

Нельзя сбрасывать со счетов и того, что культурное взаимодействие было более свойственно приграничным племенам (назовем их реформаторами), которые вступали в контакт с пришельцами на более ранних этапах общения. Они испытывали огромное влияние на свою культуру, которая, в конце концов, растворялась в более сильных. К таким можно отнести племена мурома, мщера, меря, сохранившиеся, практически, только в названиях. Если же местная культура была выше, но не могла защищаться, то ей грозило, по крайней мере, утерю влияния. Такое положение мы видим в сохранившихся культурах финских племен, не до конца растворившихся в среде русского населения, например, веси. В то же время, племена, придерживавшиеся древних традиций

(назовем их консерваторы), уходили от контактов, как с реформаторами, так и с чужаками до последней возможности. К таким народам надо отнести карел.

Носители такой древней культуры, сумевшие пережить все катаклизмы истории, не растворившиеся в новых цивилизациях, сохранившие свою древнюю самобытность, очень интересны нам. Под каким бы именем не знала их история. И права И.И Муллонен, говоря, что имя отличает объект от ему подобных, а не описывает его свойства. И поэтому карелы сохранились не потому, что звались карелами или чудью, а потому, что имели духовную составляющую – веру, вокруг которой строилась вся остальная жизнь народа. Будь то экономика, политика, воспитание, личная жизнь, взаимоотношения в семье или между родами все основывалось и рассматривалось через призму веру. Хотя носителям этой культуры придется приложить не мало усилий для сохранения своей самобытности, но благодаря именно этой самобытности они сумеют сохранить свою исключительность, не без потерь, но сумеют. А это говорит о том, что духовная составляющая, являющееся краеугольным камнем в жизни народа, у карел была на очень высоком уровне.

Глава 1.

Откуда есть и пошли карелы?

На первый взгляд, действительно трудно представить, что

карелы могли где-то быть и откуда-то прийти. Считается закономерностью, что они всегда были здесь, на северо-западе Восточной Европы, являясь следствием метисации от древних лопарей, обитавших в этих краях испокон веков и более поздних пришельцев – веси (вепсов). Конечно, трудно отказаться от старых стереотипов, тем более, если они кажутся не столь существенными в контексте общей истории, но как говорится: Платон мне друг, но истина дороже. Последние достижения археологии, истории и топонимики дают возможность взглянуть на данную проблему немного иначе.

В данном случае мы должны смотреть не на имя, оно, действительно, могло появиться и во втором тысячелетии н.э., и не пытаться через него разгадать историю народа, а посмотреть на духовную составляющую его носителя, который мог носить другое имя в далеком прошлом, но, в сущности, оставаться тем же народом. То, что карелы народ древнейший – бесспорно, подтверждение – народные руны, хранящие в себе самые древние представления о мире, космосе и космогонии. Эти шедевры устного народного творчества, сохранившиеся, в основном, в местах проживания карел, станут основой для создания в XIX веке Элиасом Леннротом, финским писателем, письменного карело-финского эпоса «Калевала». В этих рунах прослеживается удивительная связь с древними памятниками культуры Двуречья – Месопотамии.

Прародина человечества – Месопотамия, многие столетия была для нового, после потопного человечества священ-

ным местом. Ной был всего лишь девятым поколением от Адама и, безусловно, будучи правнуком Еноха, т.е. из рода патриархов, не мог не знать о едином Боге, Творце человечества, и о том, где находился рай, место рождения первых людей. И поэтому, покинув ковчег, он с семейством отправляется с Араратских гор не куда-нибудь, а в те места, где некогда тот находился. Это сакральная тайна – новое человечество начинает путь оттуда, где некогда был рай, и где произошло рождение первых людей – Адама и Евы.

Там, где был сотворен человек, после потопа вновь будут проходить, и развиваться основные события истории человечества и его общение с Богом. Отсюда начнется третий, и последний, этап – «потоп» - когда Господь принесет в жертву едиnorodного своего Сына, потопив в Его Священной крови людские грехи. И Его священная кровь, капающая из ран, будет падать на кости Адама. Крест, на котором будет распят Господь, будет установлен на месте погребения Адама. Закончится круг истории ветхого человечества и начнется новая история человечества. И этот «потоп» воистину страшен для тех, кто не принимает Иисуса Христа как «Царя и Бога», ибо участь их страшнее будет, чем участь допотопного человечества.

Ной и его чада заложили крепкий фундамент в основание единого по духу и языку сообщества – религию - веру в единого Бога. Расселяясь по лицу земли, потомки Ноя несли с собой не только знания, но и веру. Различные климатиче-

ские и природные условия в местах проживания заставляли их по-разному использовать свои знания – одни совершенствовались в одной области, другие – в иной. Но как бы далеко они не уходили от родины, они через какое-то время (возможно ежегодно), возвращались к ней, для вознесения общей молитвы к Богу, приносили свои достижения и опыт, делились ими с другими братьями, в свою очередь, воспринимали что-то новое для себя из опыта их жизни.

Они, конечно же, знали о допотопных временах и использовали некий опыт того времени в своей жизни. Патриарх Ной и его дети, служители святого алтаря без устали напоминали им об этом, чтобы они не повторяли прошлых ошибок. Но «в многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еклл.1,18). И вот уже новое человечество пытается достигнуть неба путем приложения человеческих знаний. Вавилонская башня становится символом неумейной человеческой гордости и тщеславия.

Видя растущую гордость человечества, Господь смешал языки и рассеял их по всей земле, но не отнял разума, знаний и памятования о Боге. Поэтому практически все народы мира хранят предания и о потопе, и о спасении Ноя и его сыновей и о едином Боге. Но даже после этого связь не прерывается сразу, но постепенно. И только непомерная злоба врага рода человеческого, возбудившего ненависть между братьями даже до крови, великая гордость и высокомерие самих людей, положили конец общению, которое не восстановлено

между братьями до сих пор.

Не все колена Ноевых потомков забыли истинного Бога. Был Авраам, который сохранил в чистоте веру предков, за что и был избран родоначальником нового народа, которому будет суждено стать хранителем истинной веры.

Хранили веру в единого Бога и племена, жившие в Северной Месопотамии, которые постепенно уходили, в поисках новых земель, на север, через Кавказ к Черному морю, затем в лесную полосу Восточной Европы. Время ухода из Северной Месопотамии слишком далеко отстоит от дней нынешних, и потому мало сохранилось топонимических свидетельств, которые могли бы помочь проследить этот путь. Причерноморье и степная зона Восточной Европы, долгие века до Р.Х. и после, служили коридором для миграции многих народов с востока на запад и обратно, и поэтому следы древних финских племен там, действительно, найти трудно, они совершенно размыты. Именно этот разрыв, возможно, и не дает уверенности исследователям. Но можно рискнуть привести некоторые параллели, которые, как мне кажется, могут служить свидетельством подтверждения нашей гипотезы о приходе финских племен с юга. Из северной части Месопотамии они проникли, вначале, в район Крыма, затем - в лесную зону Восточной Европы, где, по утверждению археологов, существовала огромная прафинская общность (VII – IV в. до н.э.), и последний этап - миграция на северо-запад.

С древнейших времен в Месопотамии, Сев. Сирии и на

армянском нагорье жили субарейские племена. Шумеры и аккадцы называли их страну Субарту. Часть этих племен могла уйти на север через Кавказ и, осев в Причерноморье, не теряли связи с родиной очень много веков. Название своей страны «Субарту» они сохранили, но впоследствии оно могло называться просто Арту (Арта, Артания, Арса) или звучать так на языке пришельцев – путешественников или историков, для которых не суть важно было точное наименование этой таинственной страны. И это страна была не ровесницей Киеву (Куяба) и Славии, как предполагают арабские путешественники и многие исследователи, а была родоначальницей этих двух стран, т.е Куяба (Киев) и Славия - это результат деления Арты в результате гражданской войны или неких внутренних катаклизмов. Потому она оставалась неведомой и недоступной, так как ее ко времени написания путевых заметок арабскими путешественниками уже просто не было.

От нее осталась небольшая, но жизнеспособная, часть, ушедшая далеко на север, к берегам Волхова, Ильменя и Нево (Ладога), на берега Вуоксы. Она пыталась сохранить свое былое величие и древние традиции, максимально ограничив влияние извне, но это было не просто. Слишком было велико и сильно влияние окружающего мира. Да и Славия, и Куяба, не были заинтересованы в укреплении прародителя, влияние которого оставалось, по всей видимости, не малым. И предпринимали шаги для окончательного ослаб-

ления все еще влиятельного родича. Возникновение партии реформаторов и, как следствие, гражданская война, были результатами этих стараний. Но и консерваторы не оставались безучастными к происходящим событиям. В их среде зрели планы, как восстановления былого могущества, так и сепаратистские настроения. Поэтому, «сепаратисты», взяв власть в свои руки на севере, загнав «правых консерваторов» за Ладогу, с помощью призванных варягов, они устремят свои взоры на юг. Пусть так, но они все же сумеют взять реванш – объединит все эти земли, но уже под другим именем - Русь. Но это уже другая история, к которой мы еще вернемся.

Возникновение новых культур и исчезновение Артании говорят о том, что к началу новой эры единая общность стала терять прежнее могущество. Раскол на более мелкие и самостоятельные культуры говорит о том, что внутренние распри становятся все более существенными, и продлятся они до конца первого тысячелетия н.э., когда разрозненные финские племена станут у истоков возникновения нового государства – Руси. Войдя в ее состав, кто-то растворится в среде славян, став новым этносом – русским, а кто-то будет стремиться сохранить независимость. Более чем кому-либо из единоплеменников, это удастся карелам, сумевшим сохранить свою независимость дольше всех. Глухие леса, болота и осторожность, дадут им возможность сохранить язык, традиции и самобытную культуру. В большей степени среди них сохраняться хранители традиций и знаний – знахари, руно-

певцы, плакальщицы. Карелы имели и древний музыкальный инструмент – кантеле, ставший прообразом гуслей. Среди них дольше, чем у кого-либо продержаться жрецы (арбуи), проносящие кровавые жертвы. Да и сегодня можно разглядеть влияние древних традиций в жизни карел, как в быту, так и в отношении с окружающим миром.

Глава 2.

Религиозные воззрения древних карел.

Являясь наследниками древних семитических племен Передней Азии прафины, наследниками которых являются и карелы, удаленные на многие тысячи километров от прародины, сохранили не только осознание принадлежности к одной национальности, впрочем, это было свойственно всем семитическим племенам, но и обладание общим запасом религиозных представлений (или знаний), образовавшимися еще в доисторические времена.

В первые времена рассеяния черты общесемитических религий были достаточно схожи, но с течением времени, из-за влияния иных племен и эпох, происходит упадок этих религиозных взглядов в северной части Передней Азии. Но свойство семитов крепко держаться за старину всегда прослеживалась в среде прафинских племен. И, что замечательно, это свойственно и современным потомкам древних прафинов - карелам. Может быть, это свойство помогло им со-

храниться и сохранять свою культуру в течении многих веков и даже тысячелетий.

Прафины не теряли связи с прародиной очень долго, что заметно по именам богов семитского пантеона и географических мест Передней Азии в топонимах Подмосковья, Карелии и Финляндии.

Например: река и город на границе Турции и Ирака (Сев.Месопотамия) - Сильван и река в Беломорской Карелии – Сельвана; Паданы – местность в Карелии и Паданы-Арам – поле, равнина, означающая верхнюю или более северную часть Месопотамии. А местность и река в Южной Карелии – Вилга? Это слово в Библейской энциклопедии переводится как «веселость, хорошее расположение духа» и, что его носили священнослужители еще при царе и пророке Давиде. Сюда можно добавить еще название вершины горы в северной Финляндии – Halti (Halldi) - в которой так и читается – халдей, а в переводе оно звучит так – haltija – 1. владелец, хозяин. 2. миф. Дух, гений. И то, и другое значение созвучно значению слова «халдей» в русском языке - мудрец, гадалец. Возможно, на этой горе находился жертвенник для жертвоприношений. Кстати, такой же жертвенник находится на самой высокой точке северной Карелии, горе Ноуронен, в Пяозерском заповеднике.

Существование среди карел общих религиозных представлений, образовавшихся в далекие доисторические времена (патриарх Ной и его дети) не вызывает сомнения. Вера

карел хранит следы, как более позднего периода общесемитической религии, отразившиеся в сохранении имен пантеона семитических богов – Баал (Бал, Бел, Ваал, Нево, Истар), так и более древние.

Это подтверждается тем, что, имея следы общесемитической религии более позднего времени, карелы не имели письменности. Это может свидетельствовать о том, что связи начали слабнуть с IV – III в. до н.э. Тогда в Месопотамии стали возникать шумерские города – государства и происходит объединение Северной и Южной Вавилонии, а именно тогда стала возникать письменность в этих местах. Возвышение бога покровителя Вавилона – Мардука, на степень властителя и царя неба и земли, богов и людей, так же остается за пределами религиозных воззрений карел. И более поздний пантеон Вавилонии, говорящий о кризисе древнего монотеизма, не становится определяющим в религиозной жизни карел. Они уже разные миры и разные государства. Карелы остаются со своими старыми богами.

Вера карел всегда будет основываться на монотеизме, религиозной первобытной форме. Эта форма ярко выражена в устном творчестве карел – рунах, которые стали основой для создания Э. Леннротом карело-финского эпоса «Калевала».

«Ой, ты, Укко, бог верховный...». «Укко, сам творец небесный, сил воздушных повелитель, воду отделил от неба, от воды – земные тверди». «Ой ты, Укко, бог верховный, древний муж, небес властитель». «Ой ты, Укко, бог верхов-

ный, ты родитель наш небесный». «Милость нам всегда – оттуда, лишь оттуда нам защита, от небес высоких этих, от всезнающего Бога». (9:567-570).

Можно признать, что в основании древней веры карел лежит представление об одном высшем владыке неба.

Присутствие в жизни карел верований в духов и соответствующие им гадательные обряды, волшебные формулы и заговоры, говорят о низших формах культа, употреблявшихся рядом с обычной формой богослужения, что, видимо, свойственно для большого сообщества, раскинувшегося на огромной территории от Оки до фиордов северных морей.

Но чувствуется и влияние, хотя и слабое, более поздних политеистических религий прародины. Это можно заметить как по отдельным именам семитских богов более поздних пантеонов семитских государств, так и по поклонению светилам (Бесов Нос, Залавруга) и появлению халдейской мудрости, а это уже на исходе 2 тысячелетия.

Слабое влияние новосемитических религий, можно объяснить тем, что они приходили в упадок, выразившийся в сильном развитии низших форм поклонения природе. Это не могло пройти мимо религиозных воззрений карел, которые, видимо, посчитали недопустимым отступление от древних религиозных традиций, что влекло за собой падение нравов и гибель. Так, в сущности, и произошло с городами – государствами Междуречья. Карелам же удалось продержаться гораздо дольше. Но полностью избежать влияния, ви-

димо все же не удалось.

Рассмотрим, к примеру, упоминаемое в эпосе «Калевала» женское божество - Илматар.

Оно не похожее на имя вавилонской богини Истар фонетически (внешне), но имеет схожее этимологическое значение.

Истар - мать богов и человечества. В рассказах о потопе она предстает матерью людей, которая в бесконечной скорби о гибели родного ей человечества кричит, как роженица. В легендах и заклинательных гимнах на первый план выставляется небесное значение Истар: она – великий и совершенный свет, освещающий небо и землю. Солнце, луна и Венера часто встречаются вместе в качестве эмблем, отличаясь своей величиной от изображенных рядом звезд. Соединение Истар с утренней и вечерней звездой существовало, вероятно, с первобытных времен. Она получает значение богини и вместе с этим значение *beltum* – госпожа, *sarratum* – царицы и *malkatum* – княгини.

Разве слово *iltu*, обозначающее богинь и являющееся грамматическим производным от формы мужского рода слова *ilu*, не схожи с карельским словом *ilta* (вечер)? Вполне возможно, что семантика слова *ilta* – вечер - вторична и утвердилось, вследствие утери первоначальной этимологии, в связи с активным влиянием новых религиозных воззрений, сохранив лишь временное значение. И это естественно, т.к. поклонение, точнее мистерии богине Истре, начинались вече-

ром, когда на горизонте загоралась яркая вечерняя звезда – Венера.

Илматар – женское божество воздушной стихии в карело-финском эпосе «Калевала». Слово «ильма» (Илма, фин.-воздух) древними использовалось в значении «небесный», но не физического неба, а неба – места жительства богов. Так названия озера Ильмень, озеро Ильмаярви в районе р. Вуоксы, озеро Эльмус в Карелии, Эльмусярви у г.Кухмо в Финляндии и десятки других, несут в своем названии отношение к имени древней богини Илматар – Истар, так же как другие природные памятники: реки Истра, Сестра (Смоленская, Московская, Ленинградская области), Белозеро (вспомним - baltum) и т.д. Илматар, как и Истар сохраняет неизменно значение царицы неба. Окончание «тар» означает женское начало и вторичность своего положения по отношению к верховному богу.

Эпос «Калевала», песнь 47: 153-156:

«...Так им дева отвечала:

«Я древней всех женщин в мире,
старшая из дев воздушных (читай -
небесных), первая из жен рожавших».

Сохранение имени бога Небо (Набу, Нево, Нива) можно объяснить тем, что первоначально он мог быть богом вселенной, и потому его имя сохранилось, в отличие от имени Мардука, который до ослабления религиозных связей, еще не был богом вселенной и был лишь богом города Вавилон.

И, возможно, еще потому, что Нево (Небо) был богом жрецов, роль которых после разрыва могла только возрасти. А, скорее всего, благодаря жрецам и происходит этот разрыв, а главная причина – сохранение традиций, а, стало быть, и влияния. Пегремский культовый комплекс (1985 г. археолог А.П.Журавлев), захоронения на Оленьем острове, наскальные рисунки Залавруги и Бесова Носа, подтверждают наличие древней веры и особое отношение к жреческой касте, как руководящему классу.

К.Д.Лаушкин, изучавший наскальные петроглифы Белого моря, с нескрываемым восторгом и уважением писал: «... Грандиозный первобытный храм Солнца, где куполом было небо, иконостасом – гранитные скалы с петроглифами, а алтарем – горизонт с живым солнечным богом. ... Район петроглифов был для неолитических людей святилищем. Здесь совмещались три части Вселенной: Земля – мир животных, Небо – мир светлых богов, Вода – нижний мир, мир мертвецов и темных богов». Поэтому лодки с гребцами – это ладьи мертвых, кружки и полукружья с одним-двумя лучами – символы Солнца и Луны.

Сохранение имени Нево на Ладого (кстати, озеро Ладога в древности называли Нево), Карелии и Финляндии может свидетельствовать о том, что последним бастионом потомков древних жрецов, хранителей веры, были территории, где проживали карелы. Сохранение древних рун с представлениями древних карел о космогонии, также свидетельствуют

об этом.

В 12 песне (393-403) эпоса «Калевала» перечисляется жреческая иерархия «древней Похъялы», которое очень напоминает список Феодора Сицилийского, который указывал на разделение жреческой касты на жрецов, приносящих жертву, жрецов-очистителей, заклинателей, авгуров, снотолкователей, гаруспициев.

«...Заглянул тихонько в избу,
посмотрел тайком в окошко –
колдунов в избе бессечно,
заклинателей – на скамьях,
у простенков – музыкантов,
знахарей – у самой двери,
ведунов – вдоль задней стенки,
подпевал – в закуте темном:
распевали песни Лаппи,
пели заклинанья Хийси».

Эти строки подчеркивают, что каста была довольно закрыта и на их богослужения герой (Лемминкяйнен) попадает только благодаря своим мистическим способностям, тайно. Еще несколько моментов становятся ясными из этого отрывка, это:

Жрецов воспитывали с детства и знания передавались по наследству.

«...Отвечает Лемминкяйнен:

«Разве б я сюда явился
без умения, без знания,
без могущества, без силы,
без волшебных чар отцовских,
без родительской опеки,
чтобы псы меня сожрали,
чтоб собаки разорвали.

В детстве мать меня купала,
Маленьким еще ребенком,
Трижды мыла ночью летней,
девять раз – осенней ночью,
чтобы стал я чародеем,
стал кудесником известным.

Сделала певцом для дома,
Знахарем для всей деревни».

Данные строки перекликаются со строками о жреческой иерархии и с тем, что и в Вавилонии жрецы воспитывали себе преемников в собственных школах. Поэтому очень вероятно, что жреческие традиции в различных местах отличались друг от друга. Нечто подобное прослеживаем и мы, читая эти строки. Лемминкайнен и жрецы Похьялы это разные жреческие школы.

Принесение жертвы совершались регулярно, и это было радостным событием для всех жителей Калевалы, и она всегда сопровождалось веселым пиром и музыкой. Принесение жертвы, обычно это животное мужского пола, сохранялось

в среде карел чуть ли не до наших дней. К примеру, на фотографиях К.Инха, сделанных в конце XIX века в Беломорской Карелии, есть снимки, где на крыльце часовни закалается жертвенный баран в один из праздников православного календаря. В более раннее время это, возможно, было повсеместно и священникам, кстати, из среды тех же карел, избранных теми же карелами, приходилось с этим мириться. Существующий компромисс позволил избежать противостояния двух религий, и, постепенно, древний обычай стал отмирать. Приношение животных в жертву становилось все более не популярным и вскоре исчезло совсем. Думается, мудрость народная в данном случае победила. Приношение жертв исчезло, но традиция веселиться, петь и танцевать, осталась до сих пор. До революции 1917 года и в первое время после нее, были еще популярны многолюдные и веселые сборы на престольные праздники сел и деревень. В такие дни жители всех окрестных деревень считали своим долгом посетить родственников и друзей в деревне, где был престольный праздник, отстоять службу, поздравить с праздником и, попивая специально приготовленное для этого события пиво, веселиться. Так, пусть и в измененном виде, но сохранялись традиции и культура народа, передаваясь их из поколения в поколение.

Существование разных жреческих кланов и соперничество между ними, т.к. герой, попадая в окружение своих кон-

курентов, расправляется со всеми ими, используя знания и опыт, полученный от предков.

Правильно пишет карельский археолог Журавлев А.П., изучавший культовый комплекс «Пегрема», что он позволяет увидеть все богатство и глубину духовного мира первобытных обитателей этого края, это «дерево жизни» народа, обладавшего мифологическим мышлением, в основе которого лежали идеи возникновения и устройства мира, зафиксированные у всех финно-угорских народов, в также в древнегреческих источниках». И в источниках Двуречья, добавим мы.

Вообще, связи с Месопотамией, а так же государствами, образовавшимися позднее в этом регионе, чувствуется во всем: в захоронениях, семейных отношениях, устройстве храмов, отношении к Богу.

Сравним:

Месопотамия Карелия

Имена богов:

Баал (господин, владыка) Укко (старик) бог

Бел Бел (Белозеро)

Ваал, Вал Вал (Валаам, Валдай)

Набу (Небо) Нево, Нива (Нева,

Нивапяя)

Истар Илматар, в раннее время
видимо и Истар (реки
Истра, Сестра).

Местности:

Падан-Арам Паданы
Сильван р.Сельван
Идиль р.Идель
Вилга Вилга

Храмы:

Площадка под открытым небом, Почти то же самое
в центре ее находился камень культовый комплекс на Оне-
ге,
бетил» или «бет – эл» (дом бога). сейды в горах Карелии и
Обителью богов считались Финляндии.
горы.

Захоронения:

Кладбища на склоне холма; Кладбища на южных склонах
на другом берегу реки, песчаных пригорков лицом
если населенный пункт на юг (на прародину?).
лежал у реки.

Могила была глубокая. Могила глубокая, наполнена
В ней клали посуду, одежду, вещами, и в т.ч статуэтками.
украшения, статуэтки и пр.

Считали, что у человека две души: Считали что одна душа
уми- духовная и растительная. рает, а вторая уходит в мир
Туонелы.

Тут хочется сказать несколько слов по поводу одной заме-
чательной экспедиции в районе г.Костомукша Республики
Карелии, которая провела изучение остатков старого клад-
бища, которое, к великому сожалению, вскоре затопили во-
ды хвостохранилища Костомукшского ГОКа. Захоронение
оказалось многоярусным: нижние датируются XIII – XIV ве-
ками, а верхние 20-40 годами XX столетия. И как бы скепти-
чески не относились к результатам данной экспедиции, они
все же дают нам возможность увидеть некоторые характер-
ные черты древних верований карел о загробном мире, ко-
торые уживались с их, уже христианским, мировоззрением.
И надо отдать должное руководителю экспедиции А.П.Жу-
равлеву и другим работникам, сумевшими хорошо описать
захоронения, большинство которых были уже уничтожены,
хотя попадаются и такие перлы: «На груди восьмиконечный
языческий крест». Чувствуется крепкое влияние атеистиче-
ской идеологии. Хотя, действительно, кто же были жившие
здесь карелы – язычники или христиане?

В большей степени, судя по положению костяков и наличием крестиков, они были христиане, но стеклышки, берестяные кольца, глиняная посуда, монеты, глубина захоронений, наличие останков собак, говорит о том, что местные карелы соблюдали некоторые обряды дохристианской старины. Наличие этих вещей говорит о том, что православие относилось, в то время, во всяком случае, ко всему этому очень терпимо. Здесь видится не уступка одной стороны претензиям другой, слишком тесны и систематичны связи, здесь видится глубокий синтез старого и нового. Здесь нет противостояния, как это было у язычества и христианства, а такое возможно только при длительной, мирной интеграции. Но главным условием было сходство в понимании единства Бога. Представления карел о едином Боге-творце, в отличие от многобожия язычества, способствовало, достаточно безболезненному, принятию ими основного догмата христианства о Его Троичности, в котором они видели развитие своих религиозных представлений о Боге. Поэтому сохранение каких-то древних обрядов следует относить не к вере, а к культуре, так как они не имели уже догматического значения, а относились к внешней ритуальности. В нашем случае они свидетельствуют о сохранившихся осколках былой веры, родиной которой является Междуречье.

Размеры костяков колеблются: мужские от 175 см до 215 см, а женские от 165 до 170 см. Все древние костяки были закрыты берестой полностью, с головы до ног и находились

на глубине от 2,5 до 3,2 метра. Еще один момент: в захоронениях находили останки, как полагают, собак и даже отдельные захоронения этих животных. На шее одной из собак обнаружили восьмиугольный серебряный крест, хотя я сомневаюсь, что это крест. Скорее всего, это ошейник – амулет, возможно указывавший на принадлежность какому-то знатному хозяину.

Во-первых, обращает на себя огромный рост жителей этих мест. Не вяжется это с тем, что они могли быть «детьми» лопарей. Скорее всего, это одна из жреческих каст, строго следившей за сохранением крови и костяки с очевидностью свидетельствуют, что эти старания были не напрасными. Во-вторых, в этих местах сохранились и были записаны Э.Леннротом, самые интересные и лучшие руны – памятники устного творчества карел. Затем стекла и берестяные кольца, по всей видимости, солярные знаки, оставшиеся от почитания солнца. Стекло можно закоптить и смотреть на солнце, а кольца – это солнечный образ, который, видимо, должен был освещать жизнь умершего в мире мертвых. Собака - почитаемое животное и в древней Месопотамии. Фигурки собак закапывали под полом или крыльцом, для оберегания дома и его жителей от злых духов. По представлениям карел, умершему приходилось встречаться с духами зла в потустороннем мире, и потому присутствие собаки в могиле выглядит вполне естественно – он должен был оберегать хозяина от злых духов и там, в мире Туонелы.

Московский» период истории карел.

В одной из русских былин («Три путешествия Ильи Муромца») есть такие строки:

«Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индия до богатая
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские,
Где стоят ведь сорок тысяч разбойников
И те ли ночные тати – подорожники».

Это была первая информация, которая заставила меня задуматься о том, как могла оказаться Корела на пути Ильи Муромца, ехавшего из Мурома в «Индию да богатая»? И почему это она «проклятая» (а в другой былине еще и «сердитая»)?¹

Направление движения, в результате которого он оказался на Смоленщине, говорит о том, что он ехал из Мурома на запад. Стало быть «Корела проклятая» находилась где-то между ними. А между ними лежит Московская область. Это было очень интересно, тем более, что я никогда не слышал о сем факте. Может быть, он был известен ученым, но широкому кругу любителей старины этот факт истории практически оставался «за кадром». Серьезных работ по данной теме также нет. Все на уровне сказок и домыслов. Да жили некогда финно-угры или прибалтийские племена (кому как нравится), пожили и ушли дальше на север, ничего особенного

они не представляли, были дикими и чуждались всего и вся, а оставшиеся растворились среди славных славянских племен вятичей и родимичей. И начинается история славян... Но почему тогда Подмосковье сохранилось так много речных, ландшафтных и природных формантов, ни балтийского, ни иного какого, а именно карельского звучания, которые связаны с религией, обработкой металла, границами рода?

И мне захотелось больше узнать об этом периоде жизни карел. С чего начинать? Где искать начало клубка, который очень хотелось размотать? Книги по археологии Д.А.Авдусина, И.Кочуркиной, Б.А. Рыбакова и др. дали богатую практическую информацию. А множество других книг по истории Руси, «Повесть временных лет», в том числе, дали возможность узнать мнение наших историков по существу вопроса, хотя в них интересующему меня вопросу отводилось, в лучшем случае, несколько десятков строк, по большей части не утоляющих моего любопытства.

Встреча со славянами (VI в н.э.) – это завершение Московского периода истории финских племен, начавшейся, по крайней мере, в VIII тысячелетии до нашей эры.

Московский период истории финских племен можно разделить на две части – Льяловскую и Дьковскую, каждая из которых представляет одноименную археологическую культуру.

Первая из них получило свое название от с.Льялово в Зеленоградском районе Московской области, где в начале два-

дцатых годов прошлого столетия Б.С. Жуков раскопал древнейшее поселение. Эта культура, датируемая IV тысячелетием до н.э., является родоначальницей других, например - сперрингс (III тысячелетие до н.э.), являющееся археологической культурой собственно карел и локализуется в западной части Приладжья, захватывая юго-восток Финляндии. Чуть позже кремневые и глиняные изделия льяловского типа будут найдены в Щукине и в Кусково. Д.А.Авдусин пишет: «Полагают, что льяловская культура возникла на основе местного мезолита около V тысячелетия до н.э. Очень скоро отдельные группы льяловских племен стали проникать на север, а потом на северо-запад, в результате чего там возникли родственные культуры... Так, многочисленные льяловские племена глубоко проникли на территорию культуры сперрингс, в результате чего образовалась новая к а р е л ь с к а я культура.

Те же льяловские племена, проникшие на территорию нарвской культуры, положили начало прибалтийской неолитической культуре, в которой преобладали льяловские элементы». Все это показывает, что карелы существовали как самостоятельная культура с очень давних времен и освоение севера карелами и другими финскими племенами (емь, сумь, водь, ижора, весь) было начато, как минимум, за 50 веков до н.э.

Но мне стало известно главное – огромная территория от Оки до Ботнического залива в период мезолита (начало

VII в. до н.э.) была заселена огромной, единой исторической общностью, имевшую единую культуру. Д.А. Авдусин в своей книге «Археология СССР» пишет: «В мезолите на Оке и Волге, вплоть до ее среднего течения, сложилась большая историческая общность, которая позволяет предполагать культурную единую традицию мезолита лесной полосы. Мезолитических стоянок этой эпохи много. Радиоуглеродная дата этих стоянок – 7 тысячелетие до н.э.».

К этому времени относятся захоронения на Южном Оленьем острове (около 150 захоронений V-III тысячелетия до н.э.). Подтверждают это и раскопки культового комплекса в Пегрема на Онежском озере в Карелии (около 4,5 тысяч лет до н.э.).

Раскопки на территории музея – заповедника «Подолье», в г.Подольске, проведенные М.И.Гоняным стали настоящим открытием последних лет. Наличие мезолитического поселения, относящегося к 7 - 6 тысячелетию до н.э., убедительно доказывает, что освоение этих мест карелами началось очень давно.

Все это дает нам право говорить о том, что Московский регион многие века до н.э и в начале I тысячелетия н.э осваивался финскими племенами и карелами в том числе, представлявшими обширную историческую общность с единой религией, общей культурой и мощной экономикой.

Вторая культура – Дьяковская, получило свое название от села Дьяково, где было раскопано городище. Основ-

ным исследователем Дьякова городища был В.И. Сизов (1840-1904), трудами которого было установлено, что «городища связаны с дославянским аборигенным населением».

Периоды Дьяковской культуры определяются с VII века до н.э. до VII века н.э.

Первый период – VII – IV век до н.э.,

второй – IV в. до н.э. – II век н.э.,

и третий – со II по VI век н.э.

Это периоды развития местных культур и, возможно, что всплеск в развитии этих периодов определялся в связи с приходом каких-то других племен с более развитой культурой. Вполне возможно, что это были киммерийцы, изгнанные скифами. Геродот называет их гелонами. Часть гелонов, единоплеменников киммерийцев, после прихода в степную зону и Причерноморье скифов (IV – III тысячелетие до н.э.), вынуждена была уйти и осесть в лесной зоне Восточной Европы, в районе современного Подмосковья. Это совпадает примерно со временем появления в этих краях скотоводства, а гелоны были хорошими скотоводами и, видимо, хорошими учителями.

Вот что пишет Геродот в своей книге «История»: «...21. За рекой Танаисом – уже не скифские края, но первые владения там принадлежат савроматам. ...Выше их обитают, владея вторым наделом будины. Земля здесь покрыта густым лесом разной породы.

Будины – большое и многочисленное племя; у всех их

светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их землях находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной 630 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и *святимища*. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной.

Будины – коренные жители страны – кочевники. Это единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками. (ошибка Геродота).

Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством, едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вообще не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и не правильно. Вся земля их покрыта густым лесом разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой (ошибка переводчика – надо читать: лосей). мехом этих зверей будины оторачивают свои шубы».

Гипотеза Серова В.В. о «формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности в условиях внутри регионального взаимодействия финно-волжского населения – носителей культуры текстильной керамики, с расселившимися среди них в эпоху раннего железа племенами культуры штрихованной керамики», также может, пусть косвенно,

свидетельствовать, что приход гелонов был взаимообогащающим фактом в истории этих народов.

Киммерийцы, были схожи с древними финскими племенами, т.к. имели одну прародину, не были воинственны и поэтому легко вошли в общение с местными жителями. Часть их растворилась в среде аборигенов, обогатив их своей культурой, часть, впоследствии, ушла на юг. К примеру, на реке Пахра известна стоянка Редькинская. Археолог Сидоров В.В. в 1968 году обнаружил здесь погребение эпохи бронзы. Ученые предполагают, что в Редькино жило племя, пришедшее с юга. Не смешиваясь с местным населением, оно позднее снова куда-то перекочевало. Время их пребывания тут наверно достаточно трудно локализовать, но то, что они были, несомненно. Именно на это время приходится возникновение новой культуры– Дьяковской. Она не могла возникнуть сама по себе и отличаться от существовавшей здесь Льяловской культуры. Если бы она имела основанием Льяловскую, то доминировали бы ее черты, но здесь доминируют явные черты южных культур из Причерноморья и Месопотамии.

Дьяковых городищ в Московской области десятки, но особо важными являются – Троицкое в Можайском районе и Щербинское в Подольском.

Щербинское городище – интересный археологический памятник. Здесь были раскопаны деревянные фортификационные сооружения. За кольцевым валом и линиями частоко-

ла, на площадке холма отрыли следы деревянного дома, который имел множество помещений с очагами и хозяйственными ямами. Культурный слой был насыщен костями животных, в т.ч северного оленя. Также было найдено резное изображение головы животного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.